

Свои

журнал
Никиты Михалкова

ФАМИЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Зинаида Серебрякова:
классика превыше
всего

Первая русская Паллада

Отважная царица
была Елисавет

Крест Серафима

Святой из рода
Чичаговых

Шедевр на троих

Как искренно любили,
как верили в себя

***М**ожно купить за деньги верноподданного, который соразмеряет личный интерес с трудолюбием, энергией и чувством самосохранения, но купить верноподданного патриота, одушевленного идеей и воодушевляющего своих соотечественников, жертвуя собой из любви к Родине, невозможно.*

***Н**е говорите, что вы любите Бога и ищете Царствия Его, если, просыпаясь поутру, прежде вспоминаете о делах и заботах, а потом благодарите Бога за прошедшую ночь и наступивший день! Никого вы не убедите, что живете правдой, когда прежде исполняете свои намерения, а потом просите у Бога помощи и успеха!*

**Священномученик митрополит Ленинградский
и Гдовский Серафим (Чичагов) (1856–1937)**

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

декабрь 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Грудь в крестах или голова в кустах	24–29	Великие реалисты Фамильные ценности
3–7	Дом Романовых Первая русская Паллада	30–33	Символ веры Крест Серафима
8–11	Своя земля Донская жемчужина императрицы Город-миллионер отмечает 270-летие	34–38	Служу России Щит и меч С нами Бог и ракета «Сармат»
12–15	Столица и усадьбы Заветные аллеи Откуда пошли графы Бобринские	39–41	История одной песни Шедевр на троих
16–19	Родное слово «Мой костер в тумане светит...» Грустный лирик и благодушный цензор Яков Полонский	42–47	Стоп-кадр Большой хороший человек Вспоминаем Вячеслава Невинного
20–23	Ретроспектива Портрет Государя Слухи об антимонархизме Репина сильно преувеличены	48	Трапезная Когда ни делай студень — всегда удовольствие

Шеф-редакторы: Алексей Зверев, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-76896 от 24 сентября 2019 г.

Адрес редакции: 123290, Москва, Шелепихинская наб., д. 8А, эт. 2, пом. 29

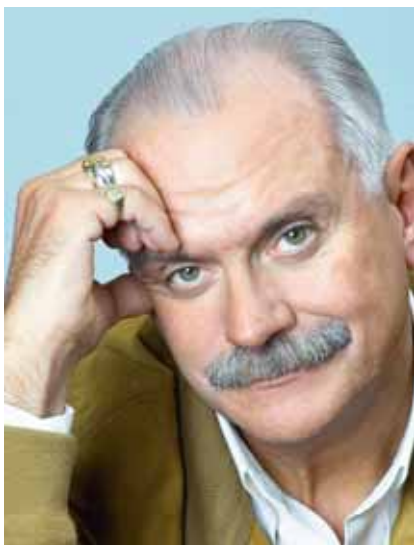
Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Буршевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 8446/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 18 ноября 2019 г.

Грудь в крестах или голова в кустах

Одним из важнейших общественно-политических событий за последние недели стало проходившее в Кремле заседание Совета по русскому языку. Большой резонанс мероприятию придало выступление Владимира Путина, который высказался о необходимости «сбережения, развития и распространения русского языка, русской литературы». Этого выступления ждали многие соотечественники. Прежде всего те, для кого «великий, могучий, правдивый и свободный» — не просто инструмент общения, но главная духовная и культурная ценность, кто понимает, что без русского языка просто-напросто не будет России, особенной, совершенно уникальной цивилизации.

На Урале есть особое место. Там вкопан столб, символизирующий прохождение географической границы между Европой и Азией. И в ту, и в другую сторону от него на тысячи верст раскинулись земли, где люди говорят между собой по-русски, и это обстоятельство позволяет им ощущать себя единой нацией с самобытной, неповторимой культурой.

Мы вовсе не замыкаемся в себе, по достоинству ценим произведения Тициана, Эль Греко, Веласкеса, Дюрера, Босха, Бетховена, Моцарта, Паганини, Гёте, Гюго, Шекспира, однако по-настоящему своими чувствуем себя лишь среди тех, с кем в прямом и переносном смысле говорим на одном языке. Лично мне, чтобы полноценно жить на свете, было бы вполне достаточно родной литературы и национального искусства. В них есть все, что необходимо для понимания природы человека, различения добра и зла, греха и добродетели, достоинства и бесчестья.

Веками оставаясь открытыми для чужеземных культур, мы неизменно предстаем перед остальным, прежде всего западным, миром во многом непонятными, непостижимыми. Причина этого (т. н. «загадки русской души») тоже кроется в языке, в его несравненной образности. Одним лишь коротким предложением наш классик мог выразить правду сурового быта и сущность человеческого бытия. К примеру, у Гоголя в набросках к «Тарасу Бульбе» имелась потрясающая фраза (к сожалению, не вошедшая в окончательную редакцию повести): «Голова казака, матерьясь, покатила в кусты». Любой иностранец, прочтя это в переводе, не уделил бы гоголевскому обороту ни малейшего внимания: ну, покатила и покатила, мало ли похожих смертей случалось в кровавых сечах далекого прошлого...

И только тот, для кого русский язык родной, увидит в замечательно емкой фразе и трагедию грубоватого, шального, но в то же время прекрасно-могучего, до последнего вздоха преданного Отчизне и Вере рыцарства, беспримерную доблесть и отвагу, особенности раздольной жизни, подчиненной девизу «Грудь в крестах или голова в кустах».

И уж тем более нет никакого дела зарубежному книголюбу до того, что автор, воспевший очаровательную украинскую ночь, чудный, величавый Днепр при тихой погоде, чрезвычайно колоритную Диканьку под Полтавой, является великим русским писателем.

Но нам-то до всего этого дело есть!

A handwritten signature in blue ink, appearing to be the name of the publisher, written in a cursive style.

Первая русская Паллада

Она появилась на свет под гром возвестивших о русской победе пушек. 29 (18) декабря 1709 года, в день рождения дочери, Петр Великий возвращался в Москву из Малороссии, где ему довелось разбить в генеральном сражении армию шведского короля Карла XII. За царем-победителем понуро следовал поезд с пленными шведами — сплошь генералы да вельможи. Лица наших героев сияли от счастья. Узнав о рождении царевны, монарх воскликнул: «Господь послал нам двойную радость! Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир мою дочь!»

Фейерверки в ту ночь вспыхивали в московском небе и в честь наследницы, и во славу добывших викторию военных. Распитым бутылкам токайского, ковшам хмельной браги счет не вели. Провозглашались тосты за здоровье Елисаветы: Петр тут же назвал девочку давно полюбившимся ему именем. С тех пор ее судьба оказалась неотделима от батальных успехов, от доблестной русской армии. Да иначе и быть не могло с дочерью императора, все силы отдавшего ратному делу.

Сергей Алдонин

Гвардейская императрица

На трон ее возвела гвардия, в первую очередь любимцы Петра, преображенцы. На своих могучих плечах они внесли царевну в Зимний дворец. Гвардейцы свято верили, что перед смертью наш первый император намеревался передать власть любимой дочери и даже приказал приближенным целовать икону в знак верности Елизавете. Эта легенда в век дворцовых переворотов помогла ей прочно закрепиться на троне.

К власти она пришла на волне протеста. Русским офицерам, да и не только им, надоело усилившееся при Анне Иоанновне германское засилье. Конечно, и при Елизавете немцы не перевелись на политическом олимпе и среди генералитета, но зато «матушка императрица» выдвинула целую плеяду талантливых представителей старинных русских фамилий: Бестужевых, Шуваловых, Румянцевых, Воронцовых, Салтыковых, Паниных, Суворовых... Поэты и живописцы в высокопарном духе того времени прославляли государыню как символ России, причем вполне искренне.

В одном из первых указов Елизавета обязывалась восстановить все предписания Петровского времени, «накрепчайше содержать и по ним неотменно поступать во всех правительствах государства нашего». А после старалась следовать данному правилу неукоснительно.

Алексей Константинович Толстой в своей шуточной истории определил ее царствование в четырех строчках: «Веселая царица / Была Елисавет: / Поет и веселится, / Порядка только нет». Но это, конечно, не более чем юмористическое преувеличение. Да, она самозабвенно любила платья и украшения, балы и пышные церемонии, но в то же время уверенно, как гвардеец, сидела в седле и даже ростом не уступала гренадерам. И отвернуться ни от проблем армии, ни от прочих государственных забот, включая просвещение, не могла и не желала: быть дочерью Петра Великого — особая миссия. Елизавета не согнулась под этой ношей, за двадцать лет ее правления Россия стала сильнее.

В науке, поэзии, в воспитании выдающихся учеников состоялся гений Михайло Ломоносова. Санкт-Петербург преобразил барочный волшебник Бартоломео Растрелли. В дипломатии царил хитроумный Алексей Бестужев — один из признанных гроссмей-

Л. КАРАВАК. «ПОРТРЕТ ЦЕСАРЕВНЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ». 1724

стеров международной политики всех времен. Елизавета Петровна отменила в стране смертную казнь и серьезно ограничила применение пыток — она не выносила кровопролития.

Через несколько месяцев после коронации победно для нас завершилась Русско-шведская война 1741–1743 годов. Ломоносов восславил царицу (и наступление мира) так:

*Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец.*

Она тогда действительно проявила миролюбие, не стала требовать с разбитых шведов крупных территориальных уступок, ограничившись несколькими крепостями в Финляндии. При этом вчерашние враги избрали наследником престола Адольфа Фредрика, считавшегося союзником России.

Самодержица была обязана участвовать в церковной жизни, однако набожность Елизаветы Петровны не ограничивалась жестами на публику. В отличие от яростного и мятежного отца она прислушивалась к духовникам и полагалась на молитву больше, чем на рациональные расчеты. Императрица удивляла современников: как простая паломница, пешком шествовала к святыням Троице-Сергиева, Саввино-Сторожевского монастыря или Киево-Печерской лавры. Кстати, именно при Елизавете Троица, обитель Преподобного Сергия Радонежского, стала лаврой, и это тоже не случайно.

Благочестие не мешало планомерно развивать армию. Да и могла ли Петрова дочь, любимица гвар-

дии, вести себя иначе? Она приняла на себя чин полковника всех гвардейских полков. Подобно отцу, осознавала, что Россия — держава воинская. Эпоха Елизаветы стала временем великой батальной славы, проявленного в сражениях героизма генералов, офицеров и солдат.

Что нам Фридрих

Зачем Российская империя вступила в Семилетнюю войну? Во-первых, без крупных боевых потерь была приобретена Восточная Пруссия. Во-вторых, в случае удачного исхода кампании наш опасный противник — Польша могла стать союзником. Да и восточные окраины Речи Посполитой стремились в лоно России. Православных, униатов и приверженцев иудаизма поляки притесняли нещадно. В шляхетских распрях иноверцы считались разменной монетой, недаром же говорится: паны дерутся — у холопов чубы трещат. Елизавета шла к поставленной цели, не теряя самообладания, и, несомненно, ее достигла бы, если бы здоровье не подвело. Увы, природа не наградила первую красавицу Европы долголетием.

По замыслу Алексея Бестужева, России следовало включиться в войну, выдержав паузу, чтобы европейские державы успели увязнуть в противостоянии. В решающий момент появление на театре военных действий мощной стопятидесяти тысячной русской армии должно было сыграть ключевую роль.

Прусского короля Елизавета не любила, помимо всего прочего, за безбожие. Тот являлся истинным сыном Просвещения с его скепсисом и прагматизмом, с презрением относился к церковным и семейным ценностям. Не приходилось сомневаться в его намерении установить гегемонию над всеми германскими и славянскими государствами. В России многие преклонялись перед королем-солдатом, но схватка с ним стала неизбежной.

Это была самая настоящая мировая война. Боевые действия шли не только в Европе, но и в Индии, а также в Северной Америке, где Франция лишилась своих канадских владений.

Елизаветинская империя подошла к началу кампании во всеоружии. Устроителем русской армии стал брат фаворита императрицы, один из главных сановников империи граф Петр Шувалов. Он стремился сделать артиллерию более мобильной и скорострельной. Некоторые его нововведения оказались слишком авантюрными, а по части корыстолюбия Петр Иванович не уступал легендарному Меншикову, и все-таки о пушках граф знал все. Даже составил вполне содержательный «Атлас новой артиллерии». В 1753 году представил Сенату секретную гаубицу собственного изобретения с особой формой ствола. Не меньшую известность получил шуваловский единорог, стрелявший и картечью, и ядрами, и бомбами (изобрел артиллерист Михаил Данилов), он был легче старых петровских пушек. С новыми орудиями русская артиллерия стала куда более подвижной. Познавший ее силу на поле боя Фридрих Великий о той же гаубице говаривал: «Эта пушка — порождение дьявола!»

Начиная с Семилетней войны и вплоть до середины XIX века (как минимум) наша артиллерия являлась лучшей в мире. «С Елисаветой Бог и храбрость генералов, / Российской грудь, твои орудия, Шувалов», — писал Ломоносов.

Г.К. ГРООТ. «ПОРТРЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НА КОНЕ С АРАПЧОНКОМ». 1743

Полководцы ее величества

В Семилетней войне русские полководцы старались действовать осмотрительно, от союзников требовали мужества и честности в исполнении обязательств. Пожалуй, самая противоречивая история елизаветинского времени — одиссея фельдмаршала Степана Апраксина. Представитель славного древнего рода, он не годился для сражений, ему не доставало отваги и полководческого таланта. Высоких степеней достиг главным образом благодаря дипломатическим талантам и обаятельной вальяжности, сражений побаивался, в боеспособности нашей армии сомневался. Пруссаков же с их отточенной дисциплиной считал непобедимыми. Перед походом заказал себе дюжину новых кафтанов.

ДОМ РОМАНОВЫХ

Под Кёнигсбергом еще не забывшие своего языка тамошние славяне приветствовали Апраксина как великого освободителя. Рослый, дородный фельдмаршал в Восточной Пруссии, ставшей новой российской губернией, выглядел былинным богатырем.

Сражение при Гросс-Егерсдорфе начиналось для нашей армии драматично. Главный удар пруссаков пришелся по 2-й дивизии генерала Василия Лопухина. Казалось, что он попал в ловушку. После первых ударов ему удалось собрать приунывшие войска и пойти в контратаку. Сам генерал увлекал за собой офицеров и солдат. Участник битвы князь Александр Прозоровский вспоминал: «Сей отменного духа начальник, получая в сражении раны, присутствовал до тех пор, покада ранен будучи сквозь желудок, отведен в сторону. От которой раны чрез несколько часов и жизнь прекратил с духом усердного патриота и храброго человека, ибо, лежа в своем экипаже спросил: «Побежден ли неприятель?», и как сказали: «Побежден», то отвечал: «Теперь с покоем я умираю». Для всех елизаветинских генералов Лопухин остался примером мужества.

После сражения при Гросс-Егерсдорфе Апраксин мстительно не упомянул в реляции главного героя той виктории Петра Румянцева — к славе молодого, да раннего военачальника, не боявшегося сильного противника, относился ревниво. В дальнейшем действовал медлительно, отступал. Фельдмаршала обвинили в государственной измене, в сговоре с пруссаками. Хотя Степан Федорович и слыл искусленным царедворцем, последние дни он провел даже не в опале, а в каземате, допросов с пристрастием в Тайной канцелярии не выдержал...

Армию возглавили другие полководцы, самым успешным из которых стал Петр Салтыков, уже показавший себя с лучшей стороны в нескольких войнах, но держав-

Граф П. Шувалов

Генерал-фельдмаршал С. Апраксин

Генерал-фельдмаршал П. Салтыков

шийся прежде в тени. Его считают предшественником Суворова, особенно по части умения разговаривать с солдатами их языком, делить с ними невзгоды походов, повторяя извечное: «Ши да каша — пища наша». А своей осторожностью и умением предвидеть ход событий, не пускаясь в авантюры, он превзошел Кутузова.

Салтыков слыл страстным охотником. Постоянные странствия по лесам и болотам подготовили его к армейским лишениям. В походах Семилетней войны он постепенно входил во вкус батальной жизни, превращался в стратега. По меркам того времени был весьма не молод. Военачальнику шел седьмой десяток, когда его назначили главнокомандующим армией, дравшейся с Фридрихом.

Замечательную характеристику Петра Семеновича оставил писатель, ботаник и участник тех сражений Андрей Болотов: «Старичок, седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без всех пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек. Привыкнувшему к пышностям и великолепиям в командах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего не значащему старичку можно было быть главным командиром столь великой армии и предводительствовать ей против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущю курочкою, и никто и мыслить того не отваживался, что б мог он учинить что-нибудь важное».

Как бы там ни было, с портрета работы Пьетро Ротари на нас смотрит эдакий тучный боярин, в то же время бритый и в европейском костюме XVIII века. Именно он заманил Фридриха в ловушку под Кунерсдорфом, опираясь на талант таких молодых генералов, как Ру-

мянцев, и отвагу не знавших себе равных в штыковом бою русских солдат. Салтыков воевал искусно, был таким же «природным русаком», как его бойцы, а следовательно, хорошо знал, чего от них ждать. «Одержана оружием ее императорского величества над королем прусским под Франкфуртом такая славная и знаменитая победа, каковым в новейшие времена почти примеров нет», — говорилось в императорском указе об учреждении Кунерсдорфской медали. И это чистая правда.

Зарево наших побед

Виктория при Гросс-Егерсдорфе, стойкость, проявленная в менее удачном сражении при Цорндорфе, наконец, блестящие победы при Пальциге и Кунерсдорфе, взятие Берлина и Кольбергская операция — все это славные, незабываемые страницы нашей военной истории. Там получили боевое крещение будущие герои екатеринских и наполеоновских войн. Мужество русского солдата изум-

ляло Европу, которая и после Петра высокомерно относилась к загадочной северной империи. Противники-пруссаки и союзники-австрийцы долго пытались ответить себе на вопрос, в чем секрет наших побед — в каком-то особом варварстве, в том, что русские не боятся боли, не страшатся смерти? Мало кто понимал, что Россия успела создать по-настоящему вышколенную, современную армию.

В период царствования Елизаветы Петровны засверкал полководческий гений Румянцева, научившего бить пруссаков, переигрывать в тактические шахматы самого Фридриха. Петр Александрович не успел при этой императрице стать фельдмаршалом, однако свои открытия в военной науке совершил в ее благословенные годы. «Бойтесь собаки Румянцева, остальные русские генералы не так опасны», — наставлял подчиненных Старый Фриц, прусский король Фридрих II, прозванный Великим.

За сутки до своей смерти государыня успела получить от Петра

Александровича донесение о взятии Кольберга и ключи от поверженного города. Этот успех русского оружия поставил Пруссию на грань катастрофы, Россия могла перекроить карту Европы, к чему Елисавет стремилась давно. Возможно, счастливое известие на несколько часов продлило жизнь императрицы, но преодолеть болезнь не помогли ни лекари, ни отважные воины...

Нелюбимый преемник, фанатичный приверженец Фридриха Прусского Петр III за несколько недель успел свести на нет все победы елизаветинского времени. Одного не сумел сломить — победного духа русской армии. Традиции Петра Великого и его дочери устояли. В истории страны она навсегда останется как первая из двух наших Паллад, великих цариц-воительниц. Такова была в XVIII столетии миссия России — соответствовать крылатым строкам державинского гимна «Гром победы, раздавайся!». Впрочем, не только в веке осмнадцатом...

А. КОЖЕВУ «ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ КОЛЬБЕРГ», 1846

Своя земля

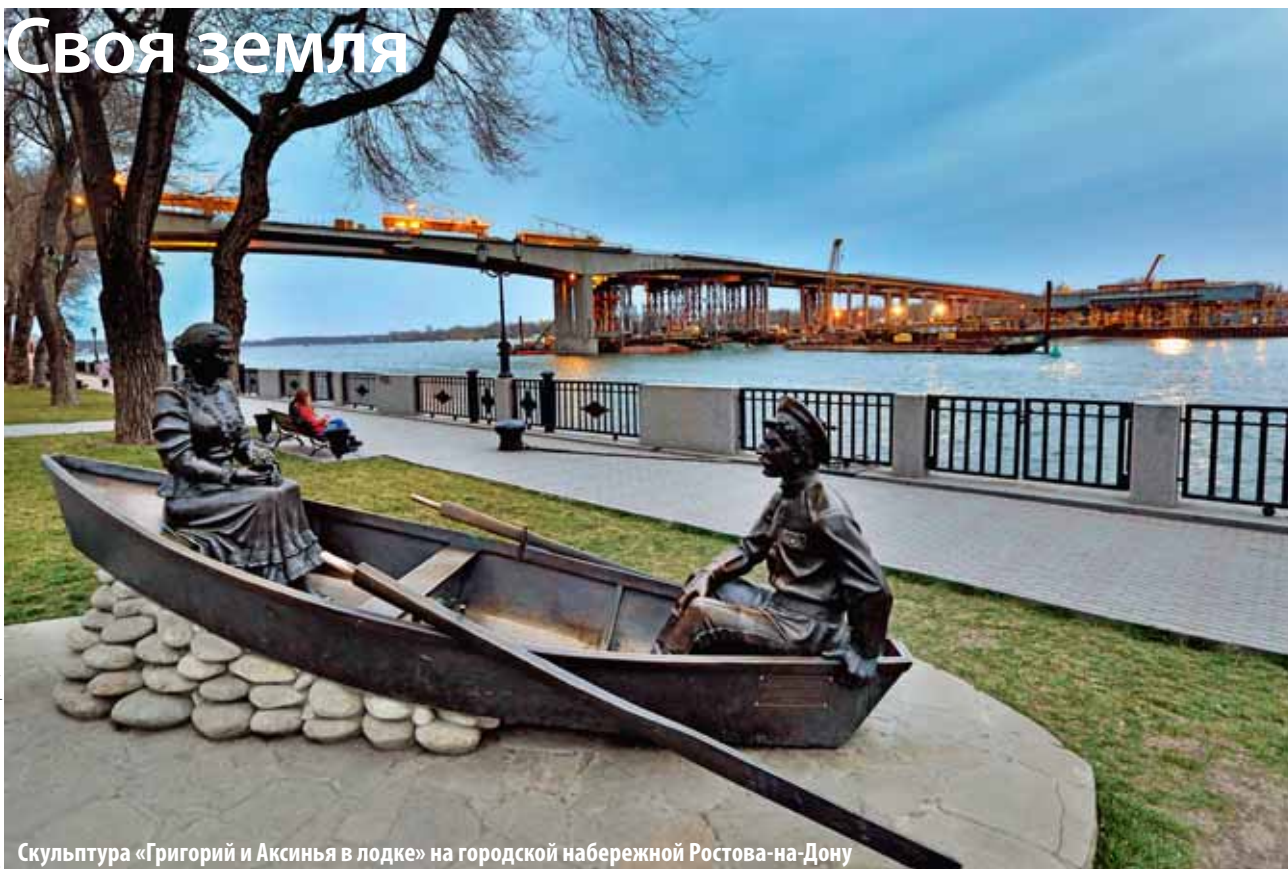

ФОТО: ВАЛЕРИЙ МАТЫЦИН/ГЛАС

Скульптура «Григорий и Аксинья в лодке» на городской набережной Ростова-на-Дону

Донская жемчужина императрицы

Игорь Агафонов, Ростов-на-Дону

В Ростове-на-Дону в декабре отметят сразу два юбилея — 270-летие города и 310-летие со дня рождения его основательницы. Императрица Елизавета всегда импонировала ростовчанам. По их мнению, не могло быть лучшего кандидата на роль исторической матушки донской столицы, чем любимица Петра I, унаследовавшая от отца живой нрав и беспокойный характер, по-казацки лихо державшаяся в седле, связавшая свою судьбу с отпрыском казачьего рода.

Ну чем, скажите, не казачка!

На лошадь будущая императрица, подобно донским казачатам, села еще в совсем нежном возрасте. И это был не каприз, а настоящее призвание. Любовь к взбалмошным, порой небезопасным скачкам сделала императрицу прекрасной наездницей.

Переодетая в мужское платье, она азартно травила зайцев, гоняясь за ними на полном скаку, оглушительно свистя и покрикивая: «Ату его! Ату!..»

Историк Андрей Зарин в книге «Царские развлечения и забавы за 300 лет» сообщает: «В августе 1747 года она застрелила в окрестностях Петергофа изумительного по величине медведя, шкура которого оказалась длиною в три целых и три четверти аршина; в другой раз она убила лося высотой от копыт до загривка в 2 аршина 6 вершков».

При таких бедовых увлечениях ей было привычно оказываться в центре пристального мужского внимания. Тем более что и красотой цесаревну природа не обделила. Миловидность Елизаветы впервые отметили иностранные посланники еще тогда, когда девочке только исполнилось 8 лет. Позже испанский дипломат герцог Джеймс де Лириа писал в Мадрид: «Принцесса Елизавета такая красавица, каких я редко видел. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза и рот, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива».

А вот взбалмошность русской принцессы иностранцев сильно смущала. Известный биограф Казимир Валишевский составил на сей счет такое мнение:

«Беспорядочная, причудливая, не имеющая определенного времени ни для сна, ни для еды, ненавидящая всякое серьезное занятие, чрезвычайно фамильярная и вслед затем гневающаяся за какой-нибудь пустяк, ругающая иногда придворных самыми скверными словами, но, обыкновенно, очень любезная и широко гостеприимная».

Независимая, оригинальная натура царской наследницы представляла

Граф А. Разумовский

в глазах дипломатов таким же минусом, как и ее неблагородное (со стороны матери-крестьянки) происхождение. Юной Елизавете, несмотря на все усилия отца, так и не смогли найти достойного жениха среди представителей изнеженных европейских династий.

Друг сердечный, рыцарь степной

Но те же «неудобные» черты характера влекли к ней особый тип мужчин — решительных до авантюризма, смелых до безрассудства. И как знать, если бы не это страстианное окружение, смогла бы 31-летняя наследница, на целых десять лет отодвинутая от престола удачливой соперницей Анной Иоанновной, взять реванш, организовать стремительный и на удивление бескровный переворот?

Макет крепости Св. Димитрия Ростовского

Сын пастуха из обедневшего казацкого рода Олеша Розум сделал ошеломительную карьеру, превратившись вскоре после путча в сиятельного графа Алексея Григорьевича Разумовского. Любовь государыни вознесла его из рядового обладателя чарующего голоса в придворном церковном хоре в камергера императорского двора и богатейшего помещика России. Удивительно, но «ночной император», как называли его недоброжелатели, и после того, как угасли любовные страсти, сохранил расположение благодетельницы до самой ее кончины. Разумовского числили не просто фаворитом, но тайным супругом и неизменным поверенным в самых деликатных делах российской самодержицы. Его единственного, помимо близких родственников, призвала Елизавета к своему смертному одру.

К чести Алексея Григорьевича, он, как истинный степной рыцарь, сохранил секреты своей царственной возлюбленной даже после того, как ее не стало. По свидетельству историков, граф посчитал зазорным принять предложенный Екатериной II (в обмен на признание в тайном венчании с Елизаветой Петровной) титул Его Императорского Высочества.

Чем же столь долгие годы привлекал капризную императрицу выходец из простых днепровских казаков? Возможно, своей, выделяющейся на общем «изысканном» фоне, казачьей простотой. В быту всемогущий вельможа до конца жизни оставался незамысловат, предпочитая к столу простонародную малороссийскую пищу — борщ да гречневую кашу, которой иногда потчевал и государыню. Из одежд берег в шкафу старенький казачий кафтан, в который изредка любил облачаться.

Елизавета, до фанатизма разборчивая в наря-

дах (о чем говорят оставшиеся после нее 15 тысяч едва надеванных платьев), в обыденной жизни тоже могла быть неприхотливой. К примеру, не считала зазорным опрокинуть стопку водки с редькой, приготовленной прислужкой для личного пользования. Очевидно, был близок императрице и тот ностальгический настрой, который царил в доме бывшего казачьего пастушка Олеси. Он ласкал таившиеся в женской душе романтические струны, заставляя вспоминать благополучно пережитые годы лишений и опалы.

Фронтيرا вольный дух

Разделенные географически русские казаки всегда чувствовали свое историческое братство. А как иначе, если на просторах наших степных окраин донцы и малороссы были равно хороши по части молодецкой удали, вместе ходили в походы на басурман, сообща отбивались от кочевников, а то и разбойничали, грабя, чего греха таить, купеческие караваны.

Успешную попытку обуздать этот вольный дух фронтаира предпринял Петр I. Совсем еще молодой государь пришел на Дон строить первые российские корабли в пику разбойничавшему в Приазовье и на Черноморье турецкому флоту. Для верфи Петр Алексеевич выбрал са-

мое удобное место (здесь раскинулся ныне центр донской столицы). Застолбил прозорливый монарх и историческое сердце будущего Ростова — уникальный родник, получивший название с царской подачи.

Легенда гласит: неподалеку от судовой верфи Петр I изволил испить водички из полноводного источника, который так ему понравился, что он воскликнул: «Богатый колодезь!» Участок поместили, и позже, когда речь зашла об открытии первого государственного учреждения на свежеспеченных южных границах — таможни, чиновники вспомнили о Богатыновском урочище. И там же заложили спустя некоторое время первый камень крепости Святого Димитрия Ростовского, давшей начало Ростову-на-Дону.

Ростовчане считают символическим, что их родной город начинался именно с родника и таможни. Родник — символ жизни, а хорошая жизнь невозможна без процветания, которое в свою очередь немислимо без торговли. В этом отношении довольно красноречива грамота государыни Елизаветы Петровны от 15 декабря 1749 года, предписывающая Коммерц-коллегии учредить таможню «вверх по реке Дону от устья реки Темерника против урочища, называемаго Богатаго Колодезя». Документ не только свидетельствует о том, что на обо-

значенной территории было чем торговать, но и задает особенный, деловой вектор развития будущего города. А вольный дух уроженцев донских степей получил таким образом — благодаря дальновидности Елизаветы (или, скорее всего, ее мудрого окружения) — принципиально новый импульс, преобразуясь в шальной азарт рискованного казачьего предпринимательства. За каких-нибудь сто лет название скромного уездного поселения попало в первые строчки списка самых оборотистых торговых площадок империи. Недаром в начале XX века Ростов заслужил прозвание города-купца, этакого «русского Чикаго» на юге империи.

К слову, отметим: своих деловых позиций донской край во главе с Ростовом не сдает и теперь. По внешнеэкономическому обороту занимает четвертое место в стране и при этом входит в первую десятку по объемам несырьевого экспорта.

Стрелять стало не в кого

А вот указ о строительстве крепости Святого Димитрия Ростовского, подписанный Елизаветой перед самой смертью (1761), несколько запоздал. Под давлением русского оружия турецкая угроза сошла на нет, и грозные форштадты, которыми успел покомандовать сам Александр Суворов, так и не произвели за все свое недолгое существование ни одного выстрела по неприятелю. Зато послужили ростовчанам в ином качестве.

Сегодня они жалеют, что уникальное для своего времени фортификационное сооружение, возведенное в виде живописной девятилучевой звезды талантливым военным инженером Александром Ригельманом, было в XIX веке скрыто до основания. Но, с другой стороны, жителям громоздка крепость мешала строиться и развивать коммерцию. Когда было принято решение ее ликвидировать, а гарнизон перевести в Анапу, деловитые ро-

стовчане вздохнули с облегчением. И тут же воспользовались ситуацией: стали растаскивать для личного пользования добротные стройматериалы. По сей день в старых кварталах Ростова можно увидеть дома, стоящие на солидных фундаментах из песчаных блоков, первоначально служивших основой крепостных сооружений. Более того, по свидетельству историков, предприимчивые обыватели покусались на брошенный без присмотра крепостной архив, использовали позаимствованную бумагу на обертку для товаров. После того как крепость Святого Димитрия перестала существовать, еще долго на ростовских базарах можно было увидеть рыбу, обернутую в вырванные из счетных ведомостей амуниции и боеприпасов листы, а также выполненные из аналогичной бумаги пакетики для ягод и семечек.

Есть «прагматизм», но есть и традиции

Слишком «прагматичный» подход к прошлому характерен и для многих нынешних обитателей Ростова-на-Дону. Возмущение немногочисленных краеведов, увы, не останавливает мощное наступление на исторический город безликих коммерческих новостроек. За последнее десятилетие, к примеру, местная набережная обросла десятком высоток с элитным жильем, навсегда поменяв складывавшийся больше двух столетий облик.

Бывают исключения, и удивительно, что их составляют заброшенные памятники деловой недвижимости. Так, старейшим зданием города, сохранившимся едва не с елизаветинских времен, является полуразрушенное хозяйственное хранилище на той же набережной. Рядом расположилась целая галерея аналогичных руин, а самой культовой из них ростовчане признают развалины Парамоновских складов XIX века. Этот памятник архитектуры федерального значения периферически становится предметом

схватки между общественностью и городскими властями. Активисты, в частности, требуют вернуть народу купальню, которая стихийно образовалась в одной из разрушенных построек в результате прорыва подземного родника. Некоторые граждане считают его ответвлением знаменитого Богатого колодезя, чье реальное местоположение в настоящее время неизвестно.

И все-таки, несмотря ни на что, донская столица упорно сохраняет свою аутентичность. В этом можно убедиться, пройдясь по старым ростовским дворикам, любуясь домами вековой давности, до которых еще не добрался пресловутый капитальный ремонт. Есть и противостоящие коммунальщикам энтузиасты. К примеру, жильцы одного из старинных домов в центре Ростова скинулись на реконструкцию ветхих столетних дверей — «ответственные лица» намеревались заменить их безликими створками из крашеного металла.

Как бы то ни было, верность императрице Елизавете ростовчане по традиции трепетно хранят. Благодарный город воздвиг ей живописный монумент: государыня стоит на пьедестале в помпезном бальном платье с кокетливо зажатой в опущенной руке грамотой об основании здешней таможни. Место для памятника выбрано на редкость удачно. За спиной у отличавшейся набожностью матушки-царицы — Покровская церковь, восстановленная там же, где некогда стояла. Перед глазами императрицы — Музыкальный театр, радующий оригинальностью архитектурной формы, в виде открытого рояля. Время от времени здесь проводятся театрализованные балы с непременным участием «основательницы города».

В общем, Елизавету Петровну пристроили, как и положено, по достоинству оценив заслугу в основании замечательного города — настоящей жемчужины в ее историческом венце.

Памятник Елизавете Петровне
перед Старо-Покровским
собором Ростова-на-Дону

ФОТО: ВАЛЕРИЙ МАТЫЦИН/ТАСС

Столица и усадьбы

Богородицкий дворец-музей

ФОТО: МАРИНА КРУГЛЯКОВА/ТАСС

Заветные аллеи

Виктория Пешкова

Красивые околоисторические легенды по душе многим. Приятно думать, что в череде обыденных, малоприметных событий случаются просветы, во время которых происходит нечто романтически-прекрасное, почти волшебное. Такая история есть и у Богородицка. Будто бы проезжала через него Екатерина Великая, остановилась во дворце, пожалованном любимому — даром, что незаконнорожденному — сыну Алешеньке, вышла на балкон окрестными красотами полюбоваться и от восхищения увиденным выронила веер. Падая, тот раскрылся...

ИМПЕРАТРИЦА повелела выстроить здесь город, да так, чтобы улицы веером сходились к дворцовому холму. Монаршая воля была исполнена: оси пяти главных улиц смыкаются аккуратно в парадном зале чертогов графов Бобринских.

Ни шуб, ни вееров

Богородицк был заложен в XVI столетии как сторожевая застава на Засечной черте, возведенной для защиты южных и юго-восточных границ русских земель. В конце XIX века являлся одним из центров Подмосковного угольного бассейна: первое месторождение обнаружили как раз неподалеку. На рубеже тысячелетий здесь располагалось предприятие, занимавшееся, помимо всего прочего, выращиванием уникальных кристаллов для одного из самых значимых европейских научных проектов — Большого адронного коллайдера в Швейцарии. А своим названием город обязан траве, из которой в старину получали небесно-голубую краску, чтобы писать ею на иконах Покров Пресвятой Богородицы. Девять веточек по серебряному полю составили изображение местного герба.

Имение Бобрики — это километров двадцать от Богородицка — приобреталось по указу Екатерины для того, чтобы обеспечить будущее рожденного от графа Григория Орлова ребенка. Бытующая легенда о бобровой шубе — в ней тайком вынесли младенца из дворца в Петербурге — известна достаточно широко: якобы именно этому предмету одежды мальчик был обязан своей фамилией. На самом же деле графом Бобринским он стал лишь в двенадцатилетнем возрасте, в соответствии с дворянской традицией именоваться по родовым владениям.

Императрица здесь никогда не бывала, но план города утвердила самостоятельно. Главную улицу назвали Екатерининской. Две соседние — Павловской и Марининской, они носили имена наследника престола и его супруги. А две крайние — Александровской и Константиновской, в честь старших внуков, коих царица видела будущими властителями Российской и восстановленной Византийской империй. Центром это-

К.Л. ХРИСТИНКА. «ПОРТРЕТ ГРАФА А.Г. БОБРИНСКОГО». 1769

го державного великолепия должен был стать дворец. Государыня со свойственным ей размахом повелела выстроить сразу два, причем тот, что предназначался для родового гнезда в Бобриках, был в четыре раза больше второго. Им мы сегодня любимся в Богородицке.

Проектирование поручили знаменитому петербургскому архитектору Ивану Старову. За ходом строительства надзирал его менее известный коллега Яков Ананьин. Судьба бобриковского дворца сложилась несчастливо. Во время сильной грозы на одном из флигелей рухнул свод. Работы приостановили, а спустя несколько десятилетий монарший недострой пришлось разобрать. До наших дней сохранились лишь возведенная здесь церковь, возвращенная ныне верующим, и два флигеля, давным-давно перестроенные под жилье.

Богородицкий дворец в отличие от своего злополучного собрата прост и строг. Старов включил в ансамбль неизвестно для чего сооруженную башню с проездными воротами, превратив ее в парадный въезд и соединив с главным зданием боковыми флигелями (в них жила и занималась хозяйственными работами прислуга). Два изящных овальных зала — на первом этаже изначально размещалась библиотека, на втором устраивали

балы и парадные приемы — стали центром композиции не только здания, но и всего города. Из эркерных окон и сейчас открывается изумительный вид, так что для рождения легенды о веере государыни имелись все основания.

Творение Старова служило приютом для четырех поколений Бобринских. Национализированный после октябрьских событий дворец лишился большей части своих, отправленных в Тулу, сокровищ — львиная доля их пошла, вероятно, на нужды победившего пролетариата. Остатки былой роскоши, собранные в нескольких комнатах, составили экспозицию историко-художественного музея. В остальных помещениях разместились детская музыкальная школа. Впоследствии музей закрыли, учащиеся куда-то переселили, башню и флигеля разобрали на кирпич, а в главном корпусе открыли санаторий «Красный шахтер».

В 1941 году Богородицк ровно месяц, с середины ноября до середины декабря, был оккупирован фашистами. Разрушая все, что возможно, не пощадили захватчики и дворец. Руины того, что некогда слыло архитектурной жемчужиной, четверть века возвышались над городом. В 1967 году по инициативе Семена Потапова, в свое время возглавлявшего трест «Калинин-уголь», и местного художника Петра Кобякова здание начали восстанавливать, и ушло на это почти два десятилетия. В 1988-м музей принял первых посетителей.

Яблоки от Болотова

Открытие приурочили к 250-летию со дня рождения основателя русской агрономической науки Андрея Болотова, в течение многих лет занимавшего должность управителя богородицкого имения. В первую очередь он известен статьями в «Трудах Императорского Вольного экономического общества», одной из старейших научных организаций России. Широка интересова-

СТОЛИЦА И УСАДЬБЫ

ВИДЫ БОГОРОДИЦКОГО ПАРКА В КОНЦЕ XVIII В. АКВАРЕЛИ А. БОЛОТОВА

ших Андрея Тимофеевича тем огромна. Он изучил и описал процесс перекрестного опыления растений, занимался гибридизацией, доказал необходимость применения минеральных удобрений, разрабатывал приемы лесопользования и озимой вспашки, технологии борьбы с сорняками. Статьи сопровождал подробными рисунками созданных лично садовых инструментов и сельскохозяйственных орудий. Между прочим, изобретенным Болотовым устройством для съема яблок садоводы пользуются до сих пор. Неутомимым исследователем были заложены основы отечественной помологии — науки о плодах. В частности, им было описано свыше 600 сортов яблок и груш.

Но более всего мы должны быть благодарны ему за картофель и томаты на нашем столе — не зря этого ученого именуют «отцом второго русского хлеба». В обширных «Примечаниях о тартуфеле» (так этот плод тогда назывался) Андрей Тимофеевич изложил рекомендации не только по выращиванию диковинного овоща, но по употреблению его в пищу, особое внимание уделив изготовлению картофельной муки.

И кто знает, как скоро распробовали бы наши предки помидоры,

А. БОЛОТОВ

ВИДЫ БОГОРОДИЦКОГО ПАРКА В КОНЦЕ XVIII В. АКВАРЕЛИ А. БОЛОТОВА

если бы не Болотов. По легенде, первые томаты привез в подарок Екатерине II посол ее величества из Италии. Купил он их зелеными, пока добирался до столицы, плоды покраснели, и решено было, что без чертовщины тут не обошлось. Попробовав экзотическую ягоду, придворные нашли ее «зело мудреной и вкусом не подходящей». Императрице, опять же по легенде, томаты понравились, и она велела регулярно поставлять их к царскому столу. Но подданные видели в них лишь декоративное растение и выращивали исключительно на клумбах. Андрей Тимофеевич переселил помидоры из садов на огороды и, отработав приемы возделывания, почти без изменения дошедшие до наших дней, доказал, что «любовные яблоки» не только вкусны, но и полезны.

Многие опыты замечательный исследователь производил на полях бобринских угодий. Результаты публиковал в своем журнале «Экономический магазин», выходящем в качестве приложения к газете «Московские ведомости». 40 томов по 418 страниц в каждом, около 4000 статей по сельскому хозяйству, садоводству, рыбоводству, устройству парков и даже врачеванию — вот наследие это-

го естествоиспытателя. Трех дней он не дожил до своего 95-летия. Итоги долгого пути подвел в записках под названием «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков». Лев Толстой назвал это сочинение «хорошими картинами прошлого века», а саму богородицкую усадьбу обессмертил в «Анне Карениной», изобразив как имение Вронского Воздвиженское. Неудивительно, что натурные съемки для своей киноверсии великого романа Карен Шахназаров проводил именно здесь.

«В заветном прадедов селе»

Не лишен был Болотов и талантов художественного свойства. Сегодня это сложно представить, но когда-то графскую резиденцию окружал один из первых, а по некоторым сведениям, и самый первый, пейзажный парк в российских пределах. О том, сколь великолепно было творение Андрея Тимофеевича, напоминают сделанные им же, представленные в экспозиции музея акварели. По изысканности видов, хитроумию затей и сложности парковой архитектуры богородицкие владения Бобринских могли соперничать с самыми знаменитыми английскими усадьбами.

Основатель рода граф Алексей Григорьевич впервые приехал в свою вотчину уже женатым, остепенившимся человеком. Молодость же его, большей частью проведенная за границей, была чрезвычайно бурной. Царский отпрыск оказался заядлым игроком и в один далеко не прекрасный день карточный долг его сиятельства достиг миллиона, при том, что на его счету в банке имелась хоть и немалая, но куда более скромная сумма. Матушка-императрица потребовала возвращения сына на родину. Однако в столице видеть его не желала, отослала в приграничный Ревель, где молодой граф встретил

свою судьбу — дочь коменданта тамошней крепости Анну-Доротею Унгерн-Штернберг.

Мать долго отказывалась от встречи с Алексеем. Наконец смягчилась и позвала в Петербург. Государыня подыскала ему подходящую невесту — немецкую принцессу, сестру которой прочли в жены любимому внуку государыни, цесаревичу Александру. Таким образом Екатерина хотела ввести незаконнорожденного сына в царскую семью, дабы упрочить его положение в обществе и обезопасить от козней брата Павла — на случай, если тот вопреки планам императрицы все-таки займет российский престол. Алексей Бобринский, узнав о намерениях матушки, с полдороги повернул назад, в Ревель, навлекая на себя очередную монаршую немилость.

В конце концов Екатерина уступила стойкости молодой пары. Правда, давая согласие на брак, не преминула уколоть будущую невестку: «Вы, должно быть, очень мужественная женщина, если решились выйти замуж за этого вертопраха». Как бы то ни было, брачный союз оказался довольно долгим и счастливым. Сыновья Алексей, Павел и Василий дали начало трем ветвям рода.

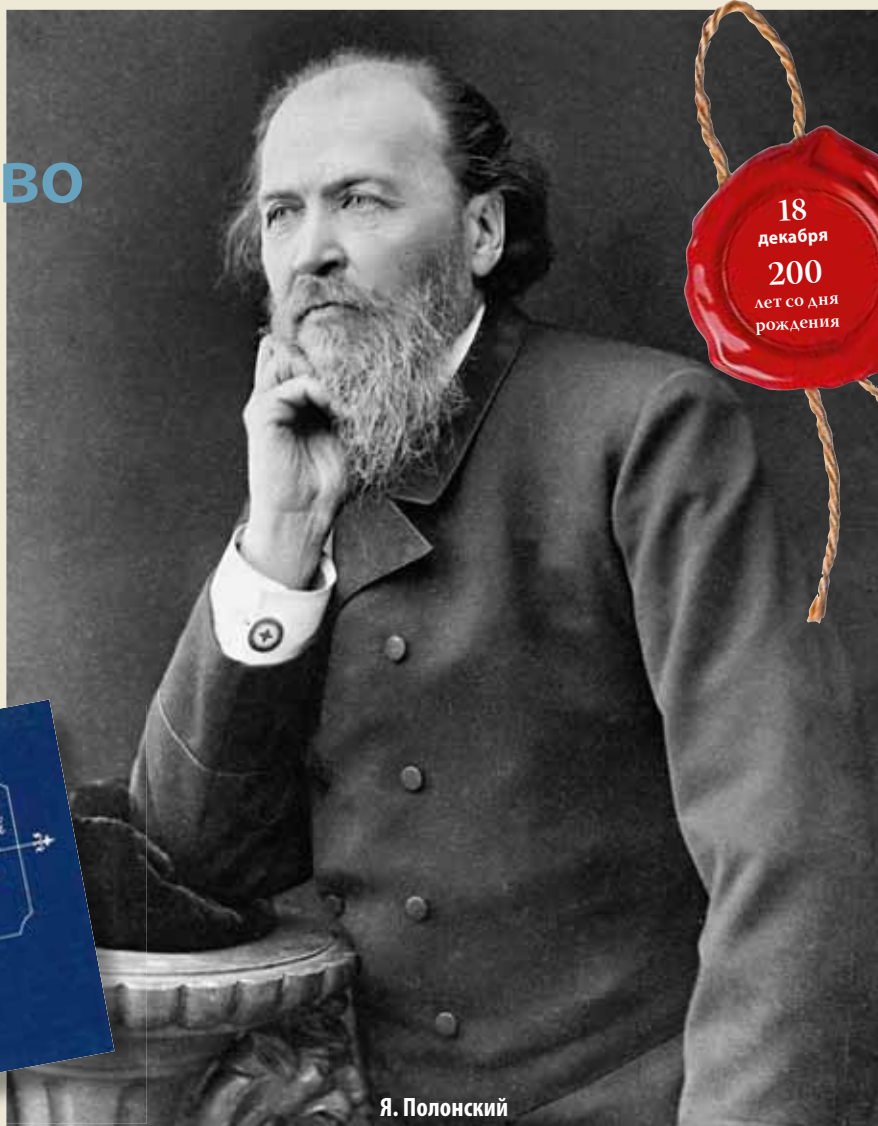
Посвященный Бобринским зал появился в экспозиции всего не-

сколько лет назад. Им было чем гордиться помимо родства с императорской фамилией. Старший сын и тезка родоначальника создал акционерное общество для постройки первой российской железной дороги, соединившей Петербург с Царским Селом. Начало геологоразведочных работ в будущем Подмосковном угольном бассейне — тоже его заслуга, как и первые сахарные заводы. Говоря об этом выдающемся человеке, Павел Вяземский утверждал, что лучшим памятником ему навсегда останется сахарная промышленность и железные дороги России.

Среди Бобринских были выдающиеся общественные и государственные деятели, писатели, поэты. В революционных бурях уцелел граф Николай Алексеевич, известный зоолог, путешественник, профессор Московского университета. Его сын, тоже Николай, полжизни посвятивший географическим исследованиям, на склоне лет занялся восстановлением истории рода и немало в том преуспел: обнаруженные им сведения помогли сотрудникам дворца-музея расширить экспозицию, посвященную потомкам Екатерины Великой. Нынешний глава этой ветви, граф Алексей Бобринский, выбравший своим поприщем защиту леса, — всегда желанный гость в Богородицке.

Не теряют связи с Отечеством и те члены обширного семейства, которые волею судеб оказались за его пределами. В 2012 году в музее проходила конференция, посвященная прославленному роду. Откликнулся потомок последнего владельца дворца Алексей Брагин-Бобринский. Он родился и прожил почти всю жизнь в Чили, но, впервые побывав на родине предков, 75-летний Алексей Валерианович переехал из Сантьяго в Богородицк. Незадолго до кончины писал в своем дневнике о том, что, родившись так далеко от этих мест, душу свою он нашел именно здесь...

Родное слово

18
декабря
200
лет со дня
рождения

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Я. Полонский

«Мой костер в тумане светит...»

Валерий Бурт

Хороших поэтов в России XIX столетия было удивительно много. Кто-то вошел в историю литературы с меткой «гениальный». Другие слыли просто «классиками» и таковыми остаются в массовом восприятии по сей день. Третьим повезло меньше, у наших современников особых почестей они не удостоились и если упоминаются время от времени в исторических обзорах, то, как правило, в длинном ряду — по соседству с более именитыми. Николай Некрасов, Федор Тютчев, Афанасий Фет, Аполлон Майков, Алексей Кольцов, Яков Полонский... — среди поклонников отечественной поэзии найдется немало и тех, кто имя последнего, не обинюясь, поставит в начало любого списка. И по-своему будут правы.

ВСЕ, КТО знал Якова Петровича лично, отмечали его обаяние и доброту. Некрасов увидел в нем «колорит симпатичной и благородной личности». Другой стихотворец, Арсений Голенищев-Кутузов, отметил, что Полонский «насквозь был проникнут бесконечным добродушием, благожелательностью и юношеской, почти наивной доверчивостью». Писатель Дмитрий Григорович говорил, что «еще в жизни не встречал человека с душой более чистой, детски наивной».

Дочь академика архитектуры Елена Штакеншнейдер, нередко общавшаяся с Полонским в салоне отца, в доме на Миллионной, составила об этом поэте такое мнение: «Он многим кажется надменным, но мне он надменным не кажется, он просто не от мира сего. Он... как-то высоко носит свою маленькую голову; это придает ему гордый вид... Доброты он бесконечной и умен, но странен. И странность его заключается в том, что простых вещей он иногда совсем не понимает или понимает как-то мудрено; а сам между тем простой такой по непосредственности сердечной... Он любит все необыкновенное и часто видит его там, где его и нет... Он в самом деле оригинален, самобытен. Часто зовут оригинальными поверхностных чудаков, которые сознательно бьют на оригинальность и рисуются ею; Полонский не таков. Он никогда не рисуется и не играет никакой роли, а всегда является таким, каков он есть».

Яков Петрович часто выглядел рассеянным, задумчивым, погруженным в собственные мысли. Не по-

Я. Полонский и А. Фет

дражал светским щеголям, не блистал остроумием, не отличался многословием, откровенничал лишь с близкими и теми немногими, кто угадывал в нем человека со светлой и ранимой душой, ценил и понимал природу его элегических строк:

*И рассудок, и сердце, и память губя,
Я недаром так жарко целую тебя —
Я целую тебя и за ту, перед кем
Я таил мои страсти — был робок и нем,
И за ту, что меня обожгла без огня,
И смеялась, и долго терзала меня.
И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
Да, убитая, спит под могильным крестом.*

По словам Штакеншнейдер, в руках Полонского была не лира, но золотая арфа. С помощью этого инструмента он извлекал едва уловимые, какие-то совершенно нездешние звуки. «Непринужденно и легко, будто разговорная речь, льется у него простой, ненарядный и часто недорогой стих, — справедливо заметил известный критик XX века Юлий Айхенвальд, а потом за чем-то (видимо, в качестве излюбленной сонетистами антитезы) добавил: — Но этой способностью послушных созвучий он злоупотреблял в том отношении, что ему все равно было, какие сюжеты облекать в стихотворение, достойна ли последнего самая тема или нет, соответствует ли выбранный ритм внутренней музыке и смыслу данной пьесы: это все неважно — лишь бы стихи».

Что ж, как любой всецело подвластный вдохновению лирик, Яков Полонский не поверял свои произведения «алгеброй» литературных теорий. Грусть, тревога, смятение, страдание и сострадание, предчувствие, зарождение и умирание любви, воспоминания о согретом лаской матери детстве, впечатления-переживания юных лет («Как звезды, при луне, глаза ее мерцали, / Блаженная слеза скользила вдоль щеки, / И там, где локон плеча ее касались, / Мои уста касались иногда...»), постаревшие или полустертые в памяти, но оттого еще более дорогие сердцу лица, то гневливо-капризная, то радостно-спокойная, умиротворяющая природа — вот основные темы его творчества. А то, что, к примеру, нахлынувшая вдруг меланхолия диктовала ему порой самые неожиданные ритмы, разве может считаться изъяном творчества?

*Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен. Мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад...*

Растворяется вмиг мимолетная идиллия, и на смену ей идет мрачноватая явь — с головной болью, ломотой в суставах и неизбывной хандрой.

Тонкий, изящный стиль его поэзии вкупе с переливающейся мелодией строф — самый благодатный материал для композиторов. Романсы на стихи Полонского сочиняли Чайковский, Даргомыжский, Рахманинов,

Гречанинов, Танеев. Музыку для самого популярного, пошедшего в народ написал, как утверждают исследователи, мало кому известный Яков Пригожий, но это не помешало песне стать подлинным национальным шедевром. «Помню, в каком восторге я был, услышав в первый раз: «Мой костер в тумане светит», — восторгался близкий друг Якова Петровича Афанасий Фет, имевший в виду, судя по всему, не прекрасный романс, а «всего лишь» прочитанный автором стих.

Политические воззрения Якова Полонского были, что называется, созвучны эпохе. Он, безусловно, являлся патриотом, разделял взгляды своего друга, почвенника и монархиста Тютчева. С огромным пиететом относился к Достоевскому. И в то же время как человек с весьма тонкой душевной организацией чрезвычайно болезненно реагировал на проявления всяческой несправедливости. В 1865-м, в период «разгула» шестидесятников, написал довольно известное в либеральных кругах стихотворение:

*Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.*

Ничего особо крамольного в приведенных четверостишиях, в общем-то, нет, хотя слова о «пораженной свободе» в годы «освободительных реформ» звучали, надо полагать, как дерзкий вызов. Показательны строки письма Полонского Тургеневу (они много лет дружили, Яков Петрович подолгу гостил у Ивана Сергеевича в имении Спасское-Лутовиново), написанные в конце 1873-го: «До такой степени тяжело отзывается на всем существе моем этот страшный мертвенный застой русского общества, с бездушными праздниками наверху и с скрежетом зубов где-то внизу. До такой степени томит меня это умственное и нравственное разложение всего нашего литературного общества, что... иногда боюсь с ума сойти».

Впрочем, спустя некоторое время на «возмущенную стихию» и «страшный мертвенный застой» он смотрел уже иными глазами. К примеру, его письмо, отправленное в 1881 году Константину Победоносцеву, начиналось так: «Сегодня утром получил я Вашу записку. Она поразила меня, как один из симптомов нашего страшного общественного недуга, и в то же время она подсказала мне, что, несмотря на мою прошлую

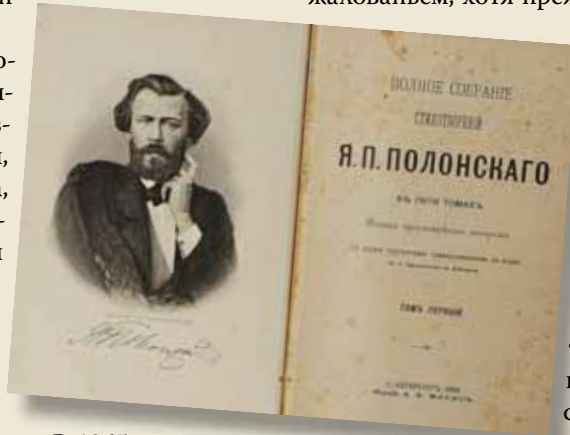
веру в прогресс, Вы еще не утратили Вашего доброго обо мне мнения. Благодарю Вас». Нет никаких оснований полагать, что Полонский льстил, лукавил, стремясь расположить к себе влиятельнейшего сановника, могущественного обер-прокурора. Парадоксально, но факт: к тому моменту поэт-лирик вот уже много лет трудился... цензором.

Должность привлекла его относительно высоким жалованьем, хотя прежде чем занять ее, Яков Петрович долго колебался. «Совесть моя не совсем покойна, — признавался он Аполлону Майкову, — во-первых, потому, что я совсем не знаю, в чем именно заключаются обязанности члена Совета по делам печати. Буду ли я в силах исполнять их без всякого насилия над самим собой, над тем нравственно сложившимся во мне убеждением — бороться со злом явно и прямодушно, а не исподтишка — и в то же время снисходить ко всякого рода увлечениям и заблуждениям, ибо *ergare humanum est* (человеку свойственно ошибаться)».

Подобно выдающимся предшественникам на поприще цензуры, таким, как Федор Тютчев и Иван Гончаров, Яков Полонский показал себя мудрым, просвещенным, отнюдь не склонным ставить «рогатки и препоны» человеком, даже в таких, казалось бы, неподходящих для проявления внутренней свободы условиях, оставался самим собой. Стихов с годами писать стал меньше, но звучали они все так же мелодично:

*Я поклоны творю пред иконою
И не слышу, как сладко поют
Соловьи за решеткой оконною,
В том саду, где жасмины цветут...
Замыкаю ль ресницы усталые, —
Я тону в бездне сладостных грез:
Все-то вижу глаза ее впалые...
Плечи бледные... волны волос...
Начинаю ль дремать, — тяжело дышится, —
Я безумца в себе узнаю;
Мне сквозь сон ее жалоба слышится
На беспутную юность мою...
И в слезах призывая Спасителя,
Крик ребенка я слышу — и в нем,
В сироте, чую вечного мстителя
За любовь, что покрыл я стыдом...*

В апреле 1887-го в Петербурге торжественно отмечали пятидесятилетие его творческой деятельности. А спустя несколько дней он со товарищи приехал в Гатчину, где их лично принял Александр III. По словам литератора Иеронима Ясинского, вышедший к

визитерам царь быстро оглядел строй приезжих и тут же направился к самому высокому среди них, опирающемуся на костыль.

«Позвольте узнать вашу фамилию?» — спросил император.

Смешавшись, юбиляр не мог вымолвить ни слова. Его выручил церемониймейстер: «Ваше величество, это известный поэт Яков Петрович Полонский!»

Государь милостиво улыбнулся: «Очень приятно, с детства знаю вас. Не окажете ли честь мне и моему семейству позавтракать с нами?»

Воспользоваться столь редкой возможностью Полонскому не довелось, видимо, так и не смогший преодолеть замешательство, он неожиданно выпалил: «Покорно благодарю, ваше величество, я только что позавтракал, а дважды обременять желудок не имею привычки».

Царь удивился, но не подал вида, произнес: «Ну, как вам угодно», — и пошел прочь.

Узнав об этом, Аполлон Майков коротко высмеял старого товарища: «Экая ты телятина!»

В квартире Полонского зачастую было тесно от прошеных и непрошеных гостей. «Приветлива была его старость, — писал Айхенвальд. — и не был он похож на брюзгливую, несвежую, старую ель своего стихотворения, которая говорит о березке, одетой в зеленое платье весны: «Как она смеет шуметь!» Он любил чужой шум. Он не был уединен, и внутренний мир его был открыт и гостеприимен».

Горничная едва успевала распахивать дверь для вновь прибывших. В комнатах стоял несмолкаемый гомон. Самовар, не переставая, кипел, на огромном столе не переводились закуски. Один из свидетелей подобных застолий вспоминал: «К нему... сходились погреться от душевного тепла, заимствовать несколько лучей от тихого света святой славы, что бе-

режно пронес любвеобильный старец через всю свою многолетнюю жизнь. Около него молодели и освежались».

Здесь можно было встретить поэтов Фета и Случевского, критиков Стасова и Страхова, художников Каразина и Айвазовского, а также Чехова, Мережковского, Гаршина, Лескова...

Как-то раз Зинаида Гиппиус, в ту пору молодая писательница, обратила внимание на одного из гостей: «Среди толпы, то в той, то в этой комнате, прохаживался особняком какой-то странноватый человек. Мы с ним все поглядывали друг на друга, я на него, он на меня. Не очень высокий, худощавый, походка неторопливая, зацепляющая каблуками пол... с жилистой птичьей шеей и — главное (это-то меня и поразило) — с особенно бледными, прозрачно-восковыми, большими ушами. В этих ушах было даже что-то жуткое».

Нелицеприятный портрет составлен после нечаянной встречи с обер-прокурором, давним поклонни-

ком творчества Полонского. Они познакомились еще в молодости, случайно, однако дружеских отношений между ними не завязалось. Потом много лет не виделись. Когда же встретились вновь, Победоносцев был высокопоставленным чиновником.

Писатель Александр Амфитеатров удивлялся: «И отчего все эти высоко и просто превосходительства здесь совсем не те Юпитеры, какими знают их не только их собственные ведомства и департаменты, но даже обыкновенная «улица»... Мы, взаимно чуждые всюду, здесь свои, равные, — точно студенты разных выпусков на общем университетском празднике».

Зачем Яков Петрович собирал вместе представителей разных взглядов, людей своих и чужих, близких и чуждых? Ответ прост: во имя общего блага. Хотел создать единую, дружную семью талантливых литераторов, выдающихся деятелей искусства и науки — всех, кто желал и был способен принести великую пользу России.

Малая, домашняя модель сплоченного общества — это ли не символ достойно прожитой жизни.

Ретроспектива

И. РЕПИН. «ПРИЕМ ВОПОСТНЫХ СТАРШИН ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ III ВО ДВОРЕ ПЕТРОВСКОГО ДВОРЦА В МОСКВЕ». 1885–1886

Портрет Государя

Большие выставки, посвященные 175-летию Ильи Репина, проходившие в этом году в главных галереях страны, привлекали внимание не только к произведениям великого живописца, но и к его личности. Социально активные граждане вели споры о том, какие взгляды разделял художник, как относился к самодержавию и самодержцам, к революционной демократии и другим политическим движениям в России.

О некоторых важных обстоятельствах жизни и творчества мастера — его по сей день многие считают таким вольтерьянцем от искусства — рассказывает со ссылками на письменные документы доктор исторических наук Юлия КУДРИНА.

ЛИЧНОЕ знакомство пенсионера Академии художеств Ильи Репина и будущего императора, великого князя Александра Александровича состоялось в 1874 году в Париже. Они были практически ровесниками, молодыми людьми тридцати лет от роду. Во французской столице наследник престола и его супруга дважды посетили выставку Марка Антокольского, побывали в мастерских Василия Поленова и Репина. Об этих визитах Илья Ефимович впоследствии вспоминал: «Наследник очень любил живопись, был человеком далеко не суровым. Простой в обращении, с удивительно мягким, распола-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

И. Репин в своей мастерской

гающим тембром голоса. Наследник сам занимался живописью. В Париже, в сопровождении Боголюбова... запросто, на простом извозчике приехал ко мне в мастерскую. Расспрашивая о работах... остановил мое внимание на эскизах «Садко» и заказал мне написать картину».

Ивану Крамскому из Парижа Репин писал: «А наследник, вчера посетивший, в числе других, и мою мастерскую, показался мне чудесным, добрым, простым без аффектации, семейным человеком. Настоящий позитивист, подумалось мне, не выражает энергии понапрасну».

Спустя десятилетие (в 1884 году) Александр Александрович, уже император, заказал Илье Ефимовичу через своего друга, художника Алексея Боголюбова, масштабное полотно, которое известно нам под названием «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве». В переписке с меценатом Павлом Третьяковым живописец отметил: «Эта новая тема довольно богата, и мне она нравится, особенно с пластической стороны».

Через полтора года картина будет показана на XIV выставке передвижников, которых поклонник и покровитель искусств Александр III провозгласил ни

много ни мало «олицетворением современной национальной культуры».

Илья Репин, в свою очередь, подчеркивал: «В отношении изобразительного искусства император придерживался демократических воззрений». Государь и его супруга Мария Федоровна, регулярно посещавшие передвижные выставки, приобретали от 5 до 20 картин с каждой из них. При этом, по свидетельствам очевидцев, российский самодержец обычно говорил: «Это для будущего музея». Визитов монарших особ художники ждали у себя с особым нетерпением.

В 1885-м, во время XIII выставки Товарищества передвижников, Илья Ефимович в письме Павлу Третьякову сообщал: «Сегодня в 2 часа будет Государь. Кажется, будет и Государыня и наследник. Государя мы будем встречать все товарищи».

Эта выставка, проходившая в доме Юсуповых на Невском, знаменита прежде всего тем, что на ней экспонировалось скандально известное репинское произведение «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». У столичной общественности оно вызвало самые разные отклики. С одним из них, резко отрицательным, император ознакомился накануне своего посещения юсуповского особняка — Константин Победоносцев государю докладывал: «Стали присылать мне с разных сторон письма с указанием на то, что на передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих нравственное чувство: «Иоанн Грозный с убитым сыном». Сегодня я видел эту картину и не мог смотреть на нее без отвращения. Слышно, что Ваше величество намерены посетить выставку на днях, и, конечно, сами увидите эту картину. Удивительное ныне художество, без малейших идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения. Прежние картины того же художника Репина отличались этой склонностью и были противны. А эта картина просто отвратительна».

Трудно сказать, насколько мнение обер-прокурора Священного синода, учителя Александра Александровича, повлияло на то, как самодержец отреагировал на полотно, когда увидел его собственными глазами. Известно, что картина императору не понравилась: слишком вольные трактовки национально-исторических тем и религиозных сюжетов он отнюдь не приветствовал.

В марте 1885-го основатель и лидер Товарищества передвижников Иван Крамской Алексею Суворину писал: «Перед картиной Репина Государь ничего не говорил, только долго и внимательно смотрел, был необыкновенно серьезен, даже (я бы сказал) очень грустен и тронут. Думаю, что картина сделала серьезное впечатление... Затем, повернувшись, продолжал обзор. Когда было кончено, Государь Император при выходе, на площадке, где продают билеты, остановился, обращаясь к нам, изволил сказать следующее: «Я

И. КАРАСЬ, С. СОЛОДОВНИК, Г. ТОМЕНКО. «ПЕРЕДВИЖНИКИ В МАСТЕРСКОЙ У И.Е. РЕПИНА», 1954

очень рад, что мне удалось увидеть картину Репина «Иван Грозный»... наконец, побывать у Вас на выставке и видеть Вас в сборе... Надеюсь, что и на будущий год я буду у Вас на выставке... Государь, обратившись к Даниловичу, весьма громко изволил сказать следующее: «Благодарю Вас, что Вы свозили моего сына на передвижную выставку, мне на этой выставке очень понравилось».

По рассказу Крамского, на ту выставку Александра III пригласило руководство Академии, а свою просьбу мотивировало примерно так: пусть, мол, император соблаговолит указать, не нужно ли что-нибудь исключить из экспозиции. Каков запрос — таков и ответ: в апреле 1885-го власть запретила показывать «Ивана Грозного» в российских городах. Впрочем, уже через три месяца, по ходатайству Алексея Боголюбова, запрет был снят.

Не посягая на свободу творчества, монарх, с одной стороны, покупал картины русских живописцев, снимая тем самым всякую угрозу цензурных ограничений, а с другой — привносил в вольнолюбивую среду художников необходимые (прежде всего им самим) элементы организованности и порядка.

Вот что поведал об этом в своих дневниках близкий друг Ильи Ефимовича литератор Александр Жиркевич: «Репин рассказал мне подробности представления государю конференц-секретаря Академии художеств графа И.И. Толстого вчера на Академической выставке. Согласно рассказу Репина, государь на этой встрече начал разговор так: «Вам предстоит трудная задача поднять Академию. Ваш предшественник был мошенник, в Академии все было основано на мошенничестве, почему я и не любил посещать выставки в Академии, где приходилось сталкиваться с этой

личностью, которую я давно бы выгнал... если бы не великий князь Владимир. (Речь идет о бывшем конференц-секретаре Академии художеств П.Ф. Исаеве, сосланном в Сибирь за хищения.)».

По свидетельству Ильи Репина, Александр III долго беседовал с Иваном Толстым об устройстве главного образовательного учреждения наших художников и рекомендовал ему немедленно прекратить рознь между подвизавшимися там академистами и передвижниками. «Я не могу выносить этого раскола и прошу вас уничтожить его. Да и какой раскол может быть в сфере искусства», — заявил царь. Отныне он взялся лично утверждать профессоров и руководителей мастерских, в числе которых помимо Репина оказались Архип Куинджи, Владимир Маковский, Иван Шишкин и другие признанные мэтры. Согласно утвержденному императором (1891) новому уставу Академии художеств, она преобразовывалась в высший государственный орган — «для поддержки, развития и распространения искусства в России». Ассигнования со стороны государства на художественную деятельность увеличились вдвое (с 30 тысяч рублей до 60 тыс.).

В 1891 году царская чета посетила выставку Ильи Ефимовича, посвященную 25-летию его творческой

ФОТО: ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ/ТАСС

Здание Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге

И. РЕПИН. «ЗАПОРОЖЦЫ». 1880–1891

деятельности. О визите царя художник писал дочери Льва Толстого Татьяне: «Даже «Арест нигилиста» («Арест пропагандиста». — «Свой») вытащили ему, рассматривал и хвалил исполнение, хотя ему показалось странным, почему я писал это так тонко и старательно». В письме к своей ученице, художнице Марианне Веревкиной, живописец выражал восторг: «Как милостив и внимателен к нашим работам был Государь!! Мне показалась моя выставка при нем вдесятеро интересней, и я без умолку объяснял разные подробности о своих работах... Как он восхищался «Запорожцами»!! и потом портретом Кюи!.. больше всего. Все, все рассмотрел до мелочей».

В начале 1892-го Илья Ефимович признавался Татьяне Толстой: «А я очень рад, что Государь приобрел моих «Запорожцев». Третьяков не выражал желаний приобрести ее. Терещенко, интересовавшийся ранее и даже, когда я был в Киеве, показывавший стену в своем великолепном доме, на которой он повесит эту мою картину, ни одним словом

не дал знать о своем существовании с тех пор, как открылась моя выставка. О Государе я и не помышлял; я знал, что он не должен был ею (картиною) интересоваться уж по принципу. А, кроме того, люди, чающие придворных благ, я был уверен, давно уже поставили здесь на вид какую-нибудь «сепаратскую» идею, и я не ждал государя на нашу с Шишкиным выставку. И вдруг...»

На полученные от Александра III за картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» деньги (35 тыс. рублей) Репин приобрел имение близ Витебска. О благожелательном отношении российских правителей к творчеству художников он высказывался в письме известному критику Владимиру Стасову (1894): «Во всяком случае правительство наше очень терпеливо относится ко всем почти явлениям в нашем искусстве. «Бурлаков» моих по эскизу моему заказал мне великий князь Владимир Александрович. «Запорожцев» купил Государь. Вообще, правду сказать, они беспристраст-

нее Вас и совсем уже не деспотичны в своих требованиях».

С середины 1880-х российский император являлся главным коллекционером и меценатом страны, составлял серьезную конкуренцию Третьякову. Последний, зная, что некоторые живописцы продавали свои произведения царю по завышенным ценам, передвижнику Николаю Ярошенко после XV выставки дружески советовал: «Расположение Государя цените и поддерживайте, не разочаровывайте императора, тем более что не требуется какой-либо «услужливости» в содержании картин, напротив, предоставляется «полная свобода»... Как бы не показались Государю цены высокими, не заподозрил бы он, что эксплуатируется его расположение? Государь цену не спрашивает, потому нужно как можно назначать осторожнее».

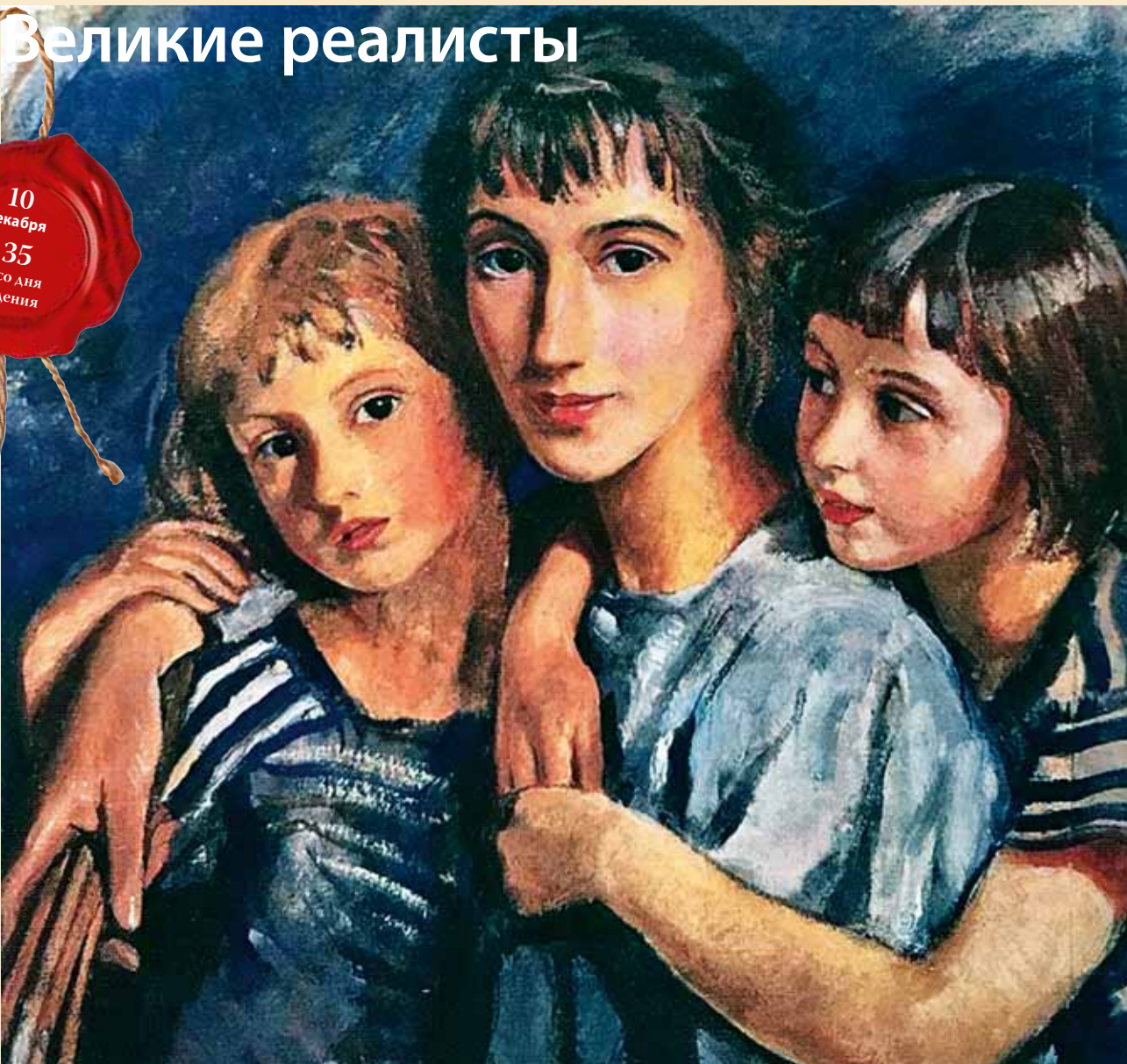
О времени правления Александра III еще сравнительно недавно у нас говорили как о периоде «реакции», «обскурантизма», зажима всех и всяческих свобод. Илья Репин, как видим, считал иначе.

Великие реалисты

«АВТОПОРТРЕТ С ДОЧЕРЬМИ», 1921

Фамильные ценности

Ксения Воротынцева

Зинаида Серебрякова — художница, не совершившая революции в искусстве. Всю жизнь была верна классике, писала пейзажи и натюрморты. А также женские и детские портреты, благодаря которым вошла в историю. В эпоху исторического перелома, расцвета новых художественных течений Серебрякова придерживалась однажды выбранной линии, не пытаясь изменить вечному сиюминутным. И творила так, словно на ее глазах не рушились миры, не исчезали империи.

НАСЛЕДНИЦА двух художественных династий, Лансере и Бенуа, росла в окружении искусства. Ее детство прошло в огромном петербургском доме деда, архитектора Николая Бенуа: сюда ее мать с шестью детьми переехала после смерти мужа. Дядя будущей художницы, знаменитый искусствовед Александр Бенуа так вспоминал о родовом гнезде: «В смысле своего кубического содержания дом Бенуа, помещавшийся по Никольской улице (впоследствии переименованной в улицу Глинки) под номером 15, мог, во всяком случае, вполне сравниться со средней величины замком, а так как в известный момент значительная часть его четырех этажей была занята разными членами семьи нашей, то в целом это и со-

ставляло род семейной твердыни или патриархального клана. Для психологии мальчика, имевшего в своем распоряжении совершенно необычайное количество комнат, имевшего на правах близкого родного доступ повсюду и во всякое время, считавшего и самые лестницы, соединявшие разные этажи, за части своего обиталища, все это расширяло и разнообразило «ощущение своего». Оно воспитало и какое-то чувство защищенности в отношении всего окружающего, — здесь, мол, я настоящий хозяин и никто меня тронуть не может. Наконец, будучи домом старым, уже обретающим в своих стенах моих прародителей, он был напитан атмосферой традиционности и представлял собой какую-то «верность во времени». Не я и не «мы» только

находили в этой «крепости» свое убежище, но здесь уже жили и папа с мамой, и дедушка с бабушкой. Почти сто лет назад владели они все этим домом — срок для мальчика огромный, в особенности в городе Петербурге с его всего двухсотлетним прошлым». Александр Николаевич рассказал и о переезде сестры Екатерины, матери маленькой Зины, с семьей: «Родители мои с годами все меньше и меньше обращали внимания на декоративную сторону жизни, еще меньше на нее обращала внимания поселившаяся в 1886 году у нас сестра Катя, а то, что пришлось в квартире разместить ее шестерых детей и бонну, произвело то, что несколько комнат получили (несмотря на соблюдавшуюся опрятность) сходство с цыганским табором».

«ЛЕТО», 1910

«НА ПЛЯЖЕ», 1927

Тема семьи — центральная в творчестве Зинаиды Евгеньевны. Она часто писала портреты родных: матери, сестры, мужа, детей. Именно четверо детей стали смыслом жизни художницы после внезапной смерти супруга Бориса Серебрякова в 1919-м. На одном из полотен грустные Катя, Женя, Саша и Тата пытаются сложить из карт домик, готовый рассыпаться в любой момент («Карточный домик», 1919). Зинаида Евгеньевна не любила аллегории, предпочитала «земные», реалистичные образы, однако в этой работе невольно общила то, что происходило с ними в страшные послереволюционные годы. Ведь она потеряла не только мужа: крестьяне, которых Серебрякова с любовью изображала на холстах, сожгли ее родовое имение в Нескучном. В 1924-м мастер уехала в Париж, как думала, ненадолго, на заработки. В России в ту пору было совсем голодно, мало заказов. Перед отъездом писала Александру Бенуа, уже осевшему во Франции: «...Если бы Вы знали, дорогой

дядя Шура, как я мечтаю и хочу уехать, чтобы как-нибудь изменить эту жизнь, где каждый день только одна острая забота о еде (всегда недостаточной и плохой) и где мой

заработок такой ничтожный, что не хватает на самое необходимое. Заказы на портреты страшно редки и оплачиваются грошами, проедаемыми раньше, чем портрет готов».

«КАРТОЧНЫЙ ДОМИК», 1919

Серебрякова и не подозревала, что больше не увидит горячо любимую мать. А с двумя детьми — Татой и Женей — встретится лишь спустя почти сорок лет (Кате и Саше удалось перебраться в Париж). В 1934 году художница сокрушалась: «...Я часто думаю, что сделала непоправимую вещь, оторвавшись от почвы». А на закате жизни горько признавалась в письме к Тате: «Вот если бы все было иначе в моей жизни, и я могла бы рисовать то, что я люблю, то есть красоту «крестьянской» жизни, «венецианские сюжеты», было бы все иначе».

Однако тяжелые обстоятельства почти не повлияли на ее творчество. Безусловно, на поздних, парижских автопортретах мы видим не лукавую счастливую девушку (как на знаменитом полотне «За туалетом» 1909 года), а женщину с грустными глазами, много пережившую. Но она по-прежнему оставалась верна классике. Серебрякова навсегда поверила в идеи «мирискусников», к которым принадлежал Александр Бенуа, о чистом и свободном искусстве, далеком от конъюнктуры. Александр Николаевич так описал принципы объединения: «Мы томились по «школе», мы взывали к воссозданию таковой, мы считали себя в значительной степени представителями тех же исканий и тех же творческих методов, которые ценили и в портретистах XVIII века, и в Кипренском, и в Венецианове, и в Федотове, а также и в выдающихся мастерах непосредственно предшествующего нам поколения — в Крамском, Репине, Сурикове...»

Конечно, «мирискусники» вовсе не были едины во взглядах: тот же Бенуа симпатизировал некоторым художникам-экспериментаторам. Однако защищал право племянницы на «отсталость»: «...Ибо искусство Серебряковой слишком подлинное искусство, чтобы можно было прилагать к нему всерьез такие эпитеты. Действительно, в наши дни, после периода полной эмансипации, столь характерной

«АТРИБУТЫ ИСКУССТВА». 1922

«ПОРТРЕТ МАРИАННЫ БРАУЭР». 1931

«ДВЕ ТАНЦОВЩИЦЫ». 1924

для конца XIX и для начала XX века, внедрил деспотизм нового формализма. От художественного произведения теперь требуется как раз то, против чего больше всего ополчалась во всем мире (а у нас специально в «Мире искусства») художественная критика лет тридцать назад — требуется преданность, требуется дисциплина раз принятой системы. Но зато как господство такой тирании успело уже надоесть и приестся. И до чего отрадно теперь иногда отдыхать на таком искусстве, как искусство Серебряковой, на явлениях, в которых царит прежняя милая свобода, в которых художник просто делится своим восторгом от красоты природы, когда он это делает с совершенным умением, с полным знанием своего дела».

Бенуа отмечал и особый подход в изображении обнаженной натуры, присущий Серебряковой. В созданных ею работах не было декадентства — картины отсылали к идеалам античности: «И наконец, нагие фигуры Серебряковой (неужели нам никогда не избавиться от уродливого слова «ню»?), составившие в значительной степени ее славу и действительно бесподобные. Это тоже Европа. В этих этюдах нагого женского тела живет не чувственность вообще, а нечто специфическое, знакомое нам из нашей же

ФОТО: ИГОРЬ БОЙКОВСКИЙ. НОВОСТИ

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

литературы, из нашей же музыки, из наших личных переживаний. Это поистине плоть от плоти нашей. Здесь та грация, та нега, та какая-то близость и домашность Эроса, которые все же заманчивее, тоньше, а подчас и коварнее, опаснее, нежели то, что обрел Гоген на Таити, и за поисками чего, вслед за Лоти, отправились искать по всему белому, желтому и черному свету блазировавшиеся, избаловавшиеся у себя дома европейцы».

Любопытно, что и дети Серебряковой, в том числе оставшиеся в СССР Татьяна и Евгений, сохраняли верность классике. Александр рисовал роскошные владения европейских аристократов, Екатерина писала акварельные пейзажи и натюрморты, Татьяна стала театральным художником, а Евгений — архитектором и реставратором, участвовавшим в возрождении разрушенного Петергофа. Матери удалось внушить детям свои художественные принципы. Вот как описывает Зинаида Евгеньевна приезд Таты в Париж: «Дочь пришла в ужас от всего «нового», абстрактного «искусства», переполняющего все галереи, салоны и музеи в Париже... Да, мы присутствуем при страшном крушении и провале Запада.... Было одно утешение для нас, повидать выставку «Le siecle de Louis XIV», в Musee des Arts Decoratifs, — где собрали замечательные образчики мебели, гобеленов, всего быта и картины этой высокой культуры... И стыдно подумать, что в том же Лувре устраивают, постоянно теперь, выставки неподобной мерзости современных «художников» — абстрактных и пр».

Александр Бенуа — суровый критик — признавался: невозможно противиться обаянию картин Зинаиды: «Но вот Серебрякову не только мне, но и вообще всякому трудно принять за человека постороннего. В ее искусстве столько милой ласковой прелести, оно такое по существу близкое, оно так просто и прямо говорит сердцу и уму, что трудно быть вполне объективным, когда говоришь о нем. Оно слишком подкупает, слишком пленит». Он утверждал: в детских и женских портретах художница не знала себе равных. При этом ее произведения были лишены намека на сентиментальность и слащавость. Искусствовед Сергей Эрнст дал Серебряковой любопытную характеристику: «...мужественная и не допускающая никаких женских черт в творчестве». Зинаида Евгеньевна порой идеализировала модели, однако это не было вызвано желанием польстить. И в крестьянских портретах, и в изображениях аристократов-эмигрантов она стремилась показать в человеке лучшее, словно пыталась сделать зримой бессмертную душу. При этом в мужественности этой хрупкой женщины сомневаться не приходится. Очевидный пример — марокканские поездки в 1928-м и 1932-м. Художница отправилась в экзотическую страну по заказу барона Жан-Анри де Броуэра, спонсировавшего путешествие (взамен он пожелал выбрать несколько созданных в Марокко вещей). Серебрякова

«БАЛЕТНАЯ УБОРНАЯ. СЕРЕБРИКОВА, 1923

«ОСВЕЩЕННАЯ СОЛНЦЕМ». 1928

ФОТО: ИГОРЬ БОЙКО/РИА НОВОСТИ

пришла в восторг от самобытности и красок юга: «Я вот уже две недели как здесь, но так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать». Но столкнулась с неожиданной трудностью: местные жители отказывались позировать. А о том,

«НАТОРМОТ С ЦВЕТАМИ И КАШТАНАМИ», 1930-Е

чтобы рисовать обнаженную натуру, не могло быть и речи. С большим трудом удалось исполнить несколько ню: чтобы стать «своей», Серебрякова наняла проводника. Нежные пастели, сделанные в рекордно короткие сроки (мастер вообще работала быстро), стали одной из вершин ее творчества. Александр Бенуа писал: «Пленительная серия марокканских этюдов, и просто

изумляешься, как в этих беглых набросках (производящих впечатление полной законченности) художница могла так точно и убедительно передать самую душу Востока. Одинаково убедительны как всевозможные типы, так и виды, в которых, правда, нет того «палящего солнца», которое является как бы чем-то обязательным во всех ориенталистских пейзажах, но в которых зато чувствуется веяние степного простора и суровой мощи Атласа. А сколько правды и своеобразной пряности в этих розовых улицах, в этих огромных базарах, в этих пестрых гетто, в толпах торгового люда, в группах зевак и апатичных гетер».

Зинаида Серебрякова, добровольно «сковавшая» себя рамками классики, была художником редкой творческой свободы, отважившимся идти по намеченному пути. И как не согласиться со словами Бенуа, утверждавшего: «Но особая прелесть ее мастерства заключается в том, что и оно не лезет вперед, оно совершенно свободно. Оно сложилось свободно, вне затхлости академических классов; оно и сейчас, несмотря на полную свою зрелость, все так же свободно от педантизма и раз навсегда установленных приемов. Разумеется, картины Серебряковой можно сразу узнать среди тысяч других произведений живописи. Но это основано не на какой-либо «манере», а получается это фамильное сходство всех произведений между собой оттого, что каждое из них создано в одинаковом возбуждении, с одинаковым воодушевлением, и что сторона мастерства всюду подчинена стороне эмоциональной».

«ЛЕЖАЩАЯ ОБНАЖЕННАЯ КАТЯ», 1923

ФОТО: ЛИДИЯ ВЕРЩАГИНА/РИА НОВОСТИ

Крест Серафима

Валерий Шамбаров

Аристократ, доблестный офицер, светило народной медицины, прекрасный историк и публицист, выдающийся богослов и пастырь, а еще замечательный иконописец, композитор, администратор, хозяйственник — трудно представить, чтобы столько свойств-дарований соединились в одной личности. Пришедшие 30 ноября 1937-го арестовывать его сотрудники НКВД о подобных вещах не задумывались. Они видели перед собой тяжело больного старика, проблемой для них стало лишь то, что он не мог идти сам. Вместо «воронка» вызвали «скорую помощь», потащили на носилках... 11 декабря наша церковь отмечает память священномученика Серафима (Чичагова), митрополита.

ЧИЧАГОВЫ, среди которых были генералы, два адмирала и другие знатные, уважаемые особы, честь своего рода несли высоко. Кажется, что и жизненный путь сына артиллерийского генерал-майора, получившего по рождению имя Леонид, определится его происхождением. До поры до времени так и было: элитный Пажеский корпус, звание камер-пажа Высочайшего двора, примерная служба в лейб-гвардии, офицерский мундир Гвардейской конно-артиллерийской бригады, скорая возможность отличиться на войне, да еще какой — освободительной, по сути священной...

В 1877 году весь русский народ на волне высочайшего подъема, с колокольным звоном, молебнами и бравурными маршами провожал свою армию, выступившую спасать братьев-болгар. В сражениях молодой гвардеец показал себя достойно. Дрался под Плевной, Горным Дубняком, Телишем, переходил по заснеженным кручам через Балканы, участвовал в прорыве последних рубежей турецкой обороны под Филиппополем (нынешний Пловдив). Как итог — три боевых ордена, наградная сабля от императора.

Подполковник
Л. Чичагов.
Середина 1880-х

В жесточайших боях подпоручик Чичагов не получил ни единой раны, хотя вокруг лились моря крови, корчились от нестерпимых мук, падали замертво такие же офицеры и простые солдаты. Сопереживая им всей душой, он часто размышлял об истинных смыслах жизни, страданий, подвига. Сразу же после войны судьба свела его с праведным Иоанном Кронштадтским. Тот не только сумел ответить на тревожившие молодого человека вопросы, но во многом оказался близок ему. Леонид Чичагов тянулся к этому священнику, как к чистому, способному утолить душевную жажду роднику. На три десятка лет о. Иоанн станет его духовником и наставником.

Жизнь офицера стала развиваться будто по нескольким направлениям. Он женился на представительнице такого же знатного рода, дочери камергера, внучатой племяннице героя 1812 года Наталье Дохтуровой. Образовалась дружная православная семья, в которой родились четыре девочки. Чичагов оказался в штабе генерал-фельдцейхмейстера (начальника российской артиллерии) великого князя Михаила Николаевича. Важнейшие поручения, в том числе за границей, выполнял безупречно, продвигался в чинах. Помимо российских орденов, мундир Леонида Михайловича украшали награды иных государств, высокую оценку получили его военные и исторические труды «Дневник пребывания императора Александра II в Дунайской армии 1877–1878 г.», «Доблести русских воинов (описание из прошлой войны)» и другие. Также он подготовил к изданию мемуары своего родственника, адмирала Павла Чичагова.

Насмотревшись в военные годы на людские муки, будущий русский святой задался целью найти способы их облегчить. Самостоятельно изучал медицину, прорабатывал горы литературы от древних трактатов и рукописных «лечебников» до новейших монографий. Создал в итоге уникальную систему народной медицины, предполагающую лечение не симптомов болезни или пораженного органа, а организма в целом — через воздействие природными, растительными препаратами на обмен веществ. Вышел в свет его фундаментальный двухтомник «Медицинские беседы». Более того, действующий гвардейский офицер опробовал свои методы на практике, принимал больных, и многим они помогли. О Чичагове быстро распространялась слава как о признанном целителе, число его пациентов достигло 20 тысяч.

Понимал он и то, что основные корни бед и страданий имеют духовную природу. Самостоятельно изучал христианскую литературу, стал высочайшим специалистом в области богословия. Продолжал встречаться и беседовать со св. Иоанном Кронштадтским, все теснее связывал свою жизнь с церковью. Стал старостой Спасо-Преображенского храма в Петербурге, ктитором Сергиевского собора (окормлявшего столичные

артиллерийские части). Несмотря на столь талантливую и разностороннюю натуру, в какой-то момент ему стало ясно: спектр занятий слишком широк, нужно выбрать что-то одно, главное. По благословению о. Иоанна Кронштадтского Чичагов сделал окончательный выбор — в пользу церкви. В 1890 году уволился с военной службы в чине полковника.

В 1893-м в московском храме Двенадцати Апостолов он был рукоположен в сан диакона, а вскоре стал там священником. Служа в этой церкви, о. Леонид реставрировал ее на собственные средства. Супруге недолго довелось быть матушкой — тяжело заболела и в 1895-м скончалась. Поскольку их семья не раз бывала в Дивеево и очень любила это место, покойную отец Леонид похоронил именно там, а рядом, на монастырском кладбище, приготовил место для себя...

Дивеево стало для него еще ближе и дороже. Приезжая туда, несчастный вдовец слышал тамошние предания и решил написать книгу. Спустя годы многие наши соотечественники прочтут ее под названием «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря».

Когда автор начинал собирать материалы, ему подсказали: еще живы три монахини, лично знавшие батюшку Серафима Саровского. Одна из них, старица Пелагия, вдруг встретила священника словами: «Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю. Преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил Государю, что наступило время открытия его мощей, прославления». Отец Леонид опешил, сказал, что не вхож к царю, но та отмахнулась: «Я ничего не знаю, передаю только то, что мне повелел Преподобный».

Это казалось невероятным — процесс канонизации батюшки Серафима уже давно натыкался на всевозможные препоны.

Через некоторое время о. Леонид получил повышение, стал настоятелем церкви Николая Чудотворца в Старом Ваганькове. Храм должен был окормлять московские артиллерийские части, но оказался совсем запущен, 30 лет стоял закрытым. Новый настоятель энергично взялся за дело возрождения — снова на собственные средства, даже иконы взялся писать сам. На стенах этой церкви до сих пор сохранились созданные им изображения Евангелистов. Еще две прекрасные иконы его письма можно увидеть в храме Илии Обыденного.

О. Леонид уже готовил себя к монашеству. Особое значение для него получило имя, которое он обрел в 1898 году при постриге, — Серафим.

Священноначалие обратило внимание на его успехи в деле восстановления святынь, в 1899-м назначило настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, находившегося к тому времени в довольно плачевном состоянии. Новоиспеченный игумен и его взялся отреставрировать. Тоже изучал здесь предания, обращался

к памяти местных святых, написал житие преподобного Евфимия Суздальского. Авторитет настоятеля быстро рос, он стал архимандритом.

«Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» способствовала широкой известности как самой обители, так и подвигов батюшки Серафима. Составитель готовил второе, более полное издание, снова посещал Дивеево, а когда завершил свой труд, случилось еще одно чудо, о котором он позже вспоминал: ему явился Преподобный, поклонился и сказал: «Спасибо тебе за летопись. Проси у меня, что хочешь, за нее». «Я ничего другого не хочу, как только всегда быть около Вас», — ответил будущий священномученик. «Батюшка Серафим улыбнулся в знак согласия и стал невидимым».

Обещанная встреча с царем действительно состоялась, ему автор «Летописи...» вручил свою книгу, что в свою очередь послужило толчком к канонизации Серафима Саровского. Архимандрит готовил житие святого, акафист, организовывал церемонию прославления. Все это ознаменовало для него взлет церковной карьеры: сначала назначили настоятелем знаменитого Ново-Иерусалимского монастыря, в 1905-м рукоположили в епископы. В дальнейшем он возглавлял Сухумскую, Орловскую и Севскую, Кишиневскую и Хотинскую епархии, стал архиепископом Тверским и Кашинским, членом Святейшего синода.

Будучи твердым монархистом (почетный член совета Русского собрания, почетный председатель Аккерманского отдела Союза русского народа), пытался противостоять революционной заразе, все глубже разъедавшей страну, наставлял сподвижников: «Сзывайте же народ на мирную борьбу с расплывшимся злом». Он, разумеется, видел ключевую причину скатывания в ка-

гастрофу — ослабление, расшатывание веры. Лучшим средством для выправления положения считал налаживание приходской жизни, чему должного внимания не уделялось, собиравшиеся люди вокруг храмов ради общего дела во благо Церкви и Отечества. Всюду, где довелось служить, пользовался огромным уважением и любовью. Его избрали членом Государственного совета, в котором владыка примкнул к правому, монархическому крылу.

Когда грянула революция, ему довелось пожинать плоды черной неблагодарности. В апреле 1917-го на Тверском епархиальном съезде радикальная часть духовенства и мирян разбуянилась, требовала выборности священников и епископов, постановила низложить владыку. Синод это решение не признал. Как действующий архиепископ Серафим (Чичагов) был включен в число делегатов Поместного Собора. Однако после Октябрьского переворота «революционная» церковная оппозиция обратилась с жалобой к большевикам, после чего владыку изгнали из Твери как монархиста и черносотенца. Сочувствовавший ему патриарх Тихон понимал, что над архипастырем сгустились тучи, и определил его туда, где не было советской власти, — митрополитом Варшавским и Привисленским. Попасть в свою митрополию он уже не смог, дорогу перерезал фронт.

Начались гонения, чекисты обвиняли владыку то в намерении развернуть антисоветскую борьбу, то в прославлении св. Серафима Саровского, арестовывали, ссылали в Архангельск, Марийскую область. В 1924 году патриарх выхлопотал освобождение владыки, ручаясь за его лояльность. Однако из Москвы митрополита выслали. Он поехал в милый ему Дивеевский монастырь, но... игуменья Александра (Траковская) отказалась принять гостя. Гонимого архипастыря приютили в Воскресенской Феодоровской обители около Шуи. Здесь к нему относились с любовью и почтением, игуменья Арсения приставила к больному старцу монахинь Веру и Севастиану, отныне ставших его келейницами.

В 1928 году им вместе пришлось покинуть монастырь. Положение церкви стало критическим, в заключении оказались большинство архиереев, в том числе патриарший местоблюститель Петр (Полянский). Заместитель последнего митрополит Сергей (Стра-

городский) силился спасти церковные структуры, создал Временный Синод, подписал декларацию о признании советской власти, что в свою очередь вызвало раскол. Многие священники просоветский документ отвергли. Владыка Серафим декларацию принял, поскольку был уверен: главное — сохранить церковное единство. Временный Синод назначил его митрополитом Ленинградским и Гдовским. Своим колоссальным авторитетом он сумел привлечь на сторону патриархии большинство «иосифлян», противников Сергия (Страгородского), боролся с обновленцами.

Большевики ни с чем и ни с кем не считались, в 1931–1932 годах они нанесли массированный удар по Русской церкви: закрывали и рушили храмы, монастыри...

Основная часть жизни Серафима (Чичагова) прошла в духовном общении со святыми: Иоанном Кронштадтским, Серафимом Саровским, Евфимием Суздальским, царем Николаем II,

святителем Тихоном Московским.

В Ленинграде одного из мучеников, умершего в тюрьме архиепископа Илариона (Троицкого) ему выдали для погребения в ужасном виде, в рванье. Владыка Серафим нарядил его в собственное облачение, сам отпевал. Разгром церкви окончательно подорвал его здоровье. В 1933 году он ушел на покой, со сво-

ими верными келейницами поселился на Удельной, снимал две комнатки. Не расставался с фисгармонией, сочинял церковную музыку. Его навещали архиереи, священники, миряне — вплоть до 30 ноября 1937-го, когда за ним пришли...

На единственном допросе инкриминируемую ему антисоветскую агитацию он отрицал. А в доносе на него значились сказанные им пророческие слова: гонения на христиан закончатся так же, как прежние; «Церковь снова будет восстановлена, и православная вера восторжествует».

11 декабря среди других приговоренных к смерти владыка Серафим был расстрелян на Бутовском полигоне. Могила, которую готовил для себя в Дивееве, так и не была востребована. Но путь подвижника привел его именно туда, куда указывал преподобный батюшка Серафим Саровский.

Государь Император Николай Александрович несет руку с иконой Серафима Саровского. Июль, 1903г., г. Саров.

ФОТО: ПАВЕЛ ГЕРАСИМОВ/РИА НОВОСТИ

Щит и меч

Андрей Самохин

Привыкнув к мирному небу над головой, мы редко задумываемся, что обязаны этим — вот уже более полувека — нашей могучей триаде, включающей в себя атомное оружие наземного и морского базирования, а также ядерную компоненту Военно-воздушных сил. Основу национальной обороны в свое время составили пусковые установки Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) — надежный русский щит, который может мгновенно превратиться в неотвратимо карающий меч-кладенец.

В СЕРЕДИНЕ 1990-х, когда наши вооруженные силы пребывали в крайне плачевном состоянии, огромные «изделия» с секретными маркировками поддерживались в пусковых шахтах в неизменной боеготовности. Корреспондент одного глянцевого журнала в интервью с командиром АПЛ задал ему тогда провокационный вопрос: «А что,

если, будучи на боевом дежурстве, вы узнаете, что произошла массированная ракетная атака по России, большинство городов и командные пункты уничтожены и ответный удар по агрессору ничего уже не даст, кроме нескольких миллионов погибших там, вы нажмете кнопку?» «Даже не сомневайтесь!» — успокоил подводник. Русская воля к сопротивлению в любой ситуации, неотвратимость всеограждающей ответки охлаждали носителей горячих голов за рубежом и в самое беспросветное для нашей страны время.

То, что именно ракеты выйдут на первый план как средство военного удара при наступлении и обороне, многим приходило в голову еще в доатомную эпоху — в 1930-е. Радужные мечты о космических путешествиях отражались холодным блеском будущих боеголовок. За Константином Циолковским, Фридрихом Цандером, Германом Обертом и Робертом Годдардом шли Вернер фон Браун и Сергей Королев. А дальше плотными рядами — люди в фуражках и при петлицах-погонах.

Знаменитая группа ГИРД, затем Специальный комитет по реактивной технике при Совете министров СССР у нас; лаборатория «Вест» в Куммерсдорфе, Институт НВП возле Пенемюнде в Германии; «Лаборатория реактивного движения» и секретная группа ученых и конструкторов в США — все они занимались сходными исследованиями-испытаниями. Причем со-

Военный парад в честь 47-й годовщины Великого Октября. 1964

ФОТО: ИТАР-ТАСС

ветская и заокеанская программы вплоть до конца войны заметно отставали от германской. Американцы со своим атомным проектом уповали на дальние бомбардировщики В-29. Наши высокие чины долго сомневались в серьезности ракетных войск как отдельного рода или вида — даже несмотря на очевидный успех испытанной в боях «Катюши».

Стартовав, ядерная гонка затмила все остальные задачи. И хотя вывезенные нашими спецгруппами немецкие «Фау-2» произвели сильное впечатление на советское руководство, работы по их копированию (с последующим развитием и превращением в советские баллистические ракеты) группой Сергея Королева, Владимира Ветчинкина, Михаила Тихонравова и Валентина Глушко поначалу счита-

лись в Кремле, по сути, второстепенными.

И тем не менее 13 мая 1946 года Совмин принял принципиальное Постановление №1017-419 «Вопросы реактивного вооружения», где было ясно сказано: «работы по развитию реактивной техники считать важнейшей государственной задачей».

Когда состязание с янки, уже набросавшими на секретной карте СССР будущие «хиросимы» и «нагасаки», увенчалось прорывным взрывом на Семипалатинском полигоне (август 1949-го), в полный рост встал вопрос о средствах доставки ядерных фугасов через океан. К началу 1950-х окончательно выяснилось, что, несмотря на созданный в КБ Туполева неплохой стратегический бомбардировщик Ту-4, быстрое поточное производ-

Шахта межконтинентальной баллистической ракеты

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Главный маршал артиллерии
Митрофан Неделин

В летопись славы
РВСН вписаны имена
командующих —
маршалов Митрофана
Неделина, Кирилла
Москаленко, Сергея
Бирюзова, Николая
Крылова, Владимира
Толубко, генерала
армии Юрия Максимова

ство эскадрилий подобных машин страна не потянет. Нарастивать авиаударную группу мы не могли себе позволить в течение примерно десятилетия, а «ястребы» Пентагона в любой момент готовились выдать упреждающий хук. В свою очередь успехи Королева со товарищи четко обозначили способ выживания государства и народа — создание надежного ракетного щита с гарантией нанесения ответного удара.

Рожденная запусками первого искусственного спутника и корабля «Восток-1» космическая романтика прилагалась как красивое дополнение к небывало грозному оружию.

Однако формирование советских ракетных войск началось гораздо раньше. Первым соединением, вооруженным баллистическими ракетами дальнего действия (сперва Р-1, затем Р-2), стала бригада особого назначения Резерва Верховного Главнокомандования Вооруженных сил СССР (РВГК) под командованием генерал-майора артиллерии Александра Тверецкого. В период с 1950-го по 1955-й были сформированы еще шесть соединений, получивших название «инженерные

бригады РВГК». Их «стрелы» могли лететь на 270 и 600 км.

Первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 прошла успешные испытания 21 августа 1957 года, долетев с Байконура до заданного квадрата на Камчатке, а в 1960-м встала на вооружение. Легендарная королёвская «семерка» могла доставить трехмегатонный ядерный заряд на расстояние 8800 км. То есть Нью-Йорку, да и другим городам в Штатах вполне «хватило» бы.

Налаженная еще при Сталине четкая кооперация головных министерств, НИИ и секретных лабораторий, создававших ракетную промышленность буквально с нуля, дала ожидаемый результат. Хру-

Стратегическая боевая ракета в шахте

ФОТО: РИА НОВОСТИ

щевская слякоть не ослабила этот державный механизм, более того, на щедрое финансирование отрасли сильно повлияла увлеченность нового партийного лидера именно ракетами — в ущерб иным видам и родам войск, к примеру, той же авиации.

На вооружение оперативно принимались стратегические Р-5 и Р-12 Сергея Королева и Михаила Янгеля с ядерными головными частями и дальностью полета на расстояния 1200 и 2000 км, а также межконтинентальные Р-7 и Р-7А.

Пришла пора множить относительно малые, применимые в локальных стычках ракеты, а вместе с ними — «молоты Судного дня», использование которых означает новую мировую войну, неприменный обмен массивными ядерными ударами и, как позже высчитали ученые, вероятную гибель всей земной цивилизации.

В 1958 году инженерные бригады РВГК с оперативно-тактическими ракетами Р-11 и Р-11М были переданы в состав Сухопутных войск.

А год спустя, 17 декабря 1959-го, вышло постановление Совета министров СССР о создании нового вида Вооруженных сил — РВСН. Именно этот день стал впоследствии праздником ракетчиков.

Впрочем, празднование выходит далеко за узкопрофессиональные рамки. Вставшие на дежурство в подземных шахтах, а позже на передвижных комплексах и постоянно меняющих свое местоположение спецпоездах исполины сыграли и до сих пор играют роль главного фактора, сдерживающего начало Третьей мировой. Они не предотвратили холодную войну, ни прошлую, ни нынешнюю; заведомо являют собой крайне опасный инструмент сдерживания (согласно известному чеховскому афоризму о висящем на стене ружье, которое непременно выстрелит в третьем акте); в начале 1960-х возник пресловутый Карибский кризис, когда пальцы военных уже лежали возле пусковых кнопок в ожидании страшного приказа; есть сведения о целом ряде инцидентов вслед-

ствие ошибок компьютеров и других недоразумений, едва не ставших роковыми сигналами к началу обмена ракетными ударами. Но что же, спрашивается, делать, если человечество в его нынешнем состоянии может остановить на самом последнем рубеже лишь опасность гарантированного зубодробительного ответа...

По сей день актуальной остается сочиненная в начале 1960-х песня выпускника физфака МГУ Сергея Крылова: «Вражеским наветам красочным ответом русская ракета целится в зенит. И зимой, и летом, под дождем и ветром бабушку, невесту, мать твою хранит... Били вас прикладом, били автоматом, а теперь ракетой вдарим по мозгам. Встретим, если надо, вас не мягким матом — сталью вас развеем мы по облакам».

Между тем РВСН совершенствовались, качественно и количественно развивались, вбирая в себя не только ракетные соединения, но и секретные НИИ, военные училища, академии, части обеспечения

Ракетный комплекс «Тополь»

ФОТО: АЛЕКСАНДР КРЯЖЕВ/РИА НОВОСТИ

ФОТО: ПАВЕЛ ГЕРАСИМОВ/РИА НОВОСТИ

Курсант Военной академии РВСН. Балашиха

и обслуживания. Первым главнокомандующим был назначен Герой Советского Союза, главный маршал артиллерии Митрофан Неделин. 24 октября 1960-го он трагически погиб на космодроме Байконур: при испытательном пуске межконтинентальной ракеты Р-16 вместе с десятками своих подчиненных сторел заживо. Случались и иные катастрофы, к примеру экологические, в результате которых почва была отравлена чрезвычайно токсичным топливом, гептилом. Многочисленных аварий с жертвами не избежали и другие государства, развивавшие космонавтику, читай: стратегическое ракетное вооружение — они изначально шли рука об руку.

Сменялась боевая техника, ракеты становились мощнее, быстрее, дальнбойнее, оснащались разделяющимися головными частями, средствами преодоления ПРО возможного противника.

Легендарные «межконтиненталки» Р-16, РТ-2 (первая советская серийная твердотопливная ракета быстрого развертывания), Р-36 и ее модификация, получившая на Западе прозвище «Сатана», «Темп-2С» (первый мобильный ракетный комплекс СССР, давший жизнь нынешним защитникам России, «Тополь-М»), — эти и другие «изделия» совершенствовались лучшими ума-

ми Отечества, вбирали в себя все достижения фундаментальной и прикладной науки.

Благодаря тем достижениям и заделам мы выжили тогда, спасают они нас и поныне. «Что бы сделали с нашей планетой, а особенно с нашей страной, если б не было этой ракеты, и не только ее одной», — риторически вопрошал Юрий Визбор в своей песне «Репортаж о ракетчиках». Нетрудно представить, что чувствовали пожилые советские конструкторы, когда в соответствии с международными соглашениями, подписанными Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом (а затем, перед крахом СССР, Джорджем Бушем), резались на металлолом их детища, далеко превосходящие американские аналоги.

И все-таки Ракетные войска России смогли пережить созданную предателями во власти ситуацию, казалось бы, полного и окончательного краха. Твердые принципы, железная дисциплина, славные традиции РВСН помогли сохранить фундамент нашего ракетно-ядерного щита (и само собой — меча), модернизировать стратегические вооружения, достичь — на основе сохраненных, можно сказать, утаенных от выдачи американцам научно-технических заделов — новых высот. Сегодня нашу нацио-

нальную безопасность обеспечивают еще более мощные и надежные ракеты, а перспективная 208-тонная МБР «Сармат», прозванная за океаном «Сатаной-2», способна нести на себе дополнительный гиперзвуковой боевой блок «Авангард».

В 1997 году РВСН объединились с Военно-космическими силами и войсками Ракетно-космической обороны — логичный шаг в деле собирания единой оборонной конструкции в новых условиях. Модернизированные «Ярсы» и «Тополи», «Воеводы» и «Искандеры» охраняют надежно, агрессоров НАТО во главе с США сдерживают основательно. Односторонний выход Вашингтона из межгосударственных договоров заставляет наших ракетчиков — ученых, инженеров, военных — искать и успешно находить адекватные ответы.

Похожий изнутри на фантастический зал инопланетной станции ЦКП во Власихе (Одинцово-10) работает спокойно и слаженно. Как и в прежние времена, в Ракетные войска берут лишь образованных, всесторонне развитых, психологически выдержанных солдат и офицеров. Популярный анекдот про брошенный случайно на пульт управления валенок здесь не в чести. Зато повсеместно видны иконы покровительницы РВСН мученицы Варвары. Военным и гостям поселка благовестит храм, построенный во имя защитника земли русской преподобного Ильи Муромца. И это уже давно никого не удивляет — без Божией помощи ракетчикам никак нельзя!

Чем закончится противостояние ошестинившихся друг против друга смертоносными атомными копьями держав? Выстрелит ли в каком-то из актов «человеческой комедии» чеховское ружье? Верим, что и дальше все будет так, как в песне Визбора: «Ах как рады мальчишки лету: рыба в речке, картошка в золе... Неподвижно стоят ракеты на вращающейся Земле».

ФОТО: СЕРГЕЙ СЕРЕГИН/ТАСС

А. Градский. 1987

Шедевр на троих

В бескрайнем море мировой поп-культуры советская эстрада представляла собой как бы отдельный, непотопляемый остров. Омываемая волнами всевозможных стилей и направлений, она оставалась во многом самобытной, и даже приблизительных аналогов этому яркому, особенно дорогому для тех, кто родился и жил в СССР, явлению найти невозможно. Среди песен-жемчужин, подаренных нам в разные годы отечественными композиторами, поэтами и вокалистами, немало таких, которые вот уже

много десятилетий являются подлинными шедеврами музыкального искусства, заставляют говорить о них как об уникальных, ни с чем не сравнимых произведениях. В уходящем году мы отмечали юбилей выдающегося композитора Александры Пахмутовой и превосходного певца Александра Градского, и как тут не вспомнить об их главной совместной удаче — глубоко лиричной, проникновенной, погружающей в воспоминания о прошлом песне «Как молоды мы были».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Денис Бочаров

В КИНЕМАТОГРАФЕ основная мелодия бывает равносильна разворачивающемуся на экране сюжету. Крылатовскую песню про лесного оленя из фильма «Ох уж эта Настя!», феноменальный, написанный для ленты «Мой ласковый и нежный зверь» вальс Евгения Доги, сочиненную Марком Минковым обворожительно-игривую вещицу «Где водятся волшебники», звучащую в детской телевизионной картине «Незнайка с нашего двора», а также многие другие талантливо выполненные для кино музыкальные опусы роднит то, что все они, в известной мере, затмили кинопроизведения, для которых поначалу служили вроде бы лишь фоном.

Песня «Как молоды мы были» впервые прозвучала в вышедшей на экраны в 1976 году молодежной ленте «Моя любовь на третьем курсе», снятой режиссером Юрием Борецким по пьесе Михаила Шатрова «Лошадь Пржевальского». Сегодня относительно немногие помнят, что данная картина рассказывает о работавшем на целине студенческом отряде. И даже среди преданных поклонников творчества Пахмутовой и Добронравова далеко не каждый знает, что именно для этого фильма

А. Пахмутова. 1975

звездная пара сочиняла ставшую спустя годы легендарной композицию.

Александр Градский вспоминал: «Как молоды мы были» изначально написана для певицы. Мы встретились с Александрой Николаевной в комнате музыкальной редакции «Мосфильма», где

стояло маленькое пианино. Она села за этот инструмент и наиграла мне эту песню. Прослушав, я набрался нахальства и попросил разрешения посмотреть партитуру. И тут я понял, что, возможно, для усиления эффекта было бы не лишним в третьем куплете сделать некую кульминацию, о чем и

сообщил композитору. Поначалу Пахмутова сомневалась: боялась, что для меня это будет высокогато. Но все же я убедил ее попробовать».

Мало того, что настойчивость Александра Борисовича была оправдана, принесла свои удивительные плоды, — ключевой, начинающийся словами «Первый тайм мы уже отыграли», пропетый мощнейшим тенором да еще и на октаву выше (ради этого Александра Николаевна не поленилась сделать новую аранжировку) третий куплет не просто вывел песню на качественно новый уровень, но фактически сделал Градскому имя. «Первый тайм» стал для вокалиста своего рода «финалом» — не в том смысле, что ознаменовал собой некий финиш, напротив, способствовал выходу в ту стадию перманентных арт-состязаний, где выступают исключительно заслуженные мастера, лучшие из лучших. Возможность спеть потенциальный шлягер самого известного и уважаемого песенного тандема для малоизвестного 26-летнего пев-

ца — это ли не то же самое, что сорвать джекпот? Блистательно представить столь сложную в техническом плане композицию на советской эстраде 70-х, когда конкуренция была попросту запредельной, — сродни завоеванию чемпионского титула.

Эта песня надолго стала мерилем вокального мастерства, причем не только применительно к Александру Борисовичу, но и к советскому эстраднему пению как таковому. Кто в дальнейшем только не пел музыкальную сагу про «незнакомога прохожего» со знакомо-неподкупным взглядом: Людмила Гурченко, Эдита Пьеха, Тамара Гвердцители, Иосиф Кобзон, Дмитрий Хворостовский, Николай Караченцов, Альберт Асадуллин. И все-таки исполнение, о котором здесь идет речь, по сей день остается несравненным, каноническим.

После успеха «Как молоды мы были» имя Градского прогремело на всю страну и даже прозвучало далеко за ее пределами. С тех пор в его вокальном репертуаре не было вещи более сильной, пронзительной и востребованной, чем эта композиция без малого 45-летней давности.

По-видимому, она сыграла важную роль и в творческой линии создателей шедевра — композитора и поэта. Если до середины 1970-х львиная доля вышедших из-под пера Александры Николаевны и Николая Николаевича песен была посвящена преимущественно гражданско-патриотической проблематике («Голос

Родины, голос России», «Весна сорок пятого года», «Горячий снег», «Малая земля», «И вновь продолжится бой», «Мы тоже — советская власть»), то после громкого успеха триумвирата напористая героика сочинений стала еще более органично сочетаться с прочувствованным лиризмом. Наш любимый песенный и семейный союз и прежде не изменял себе в главном: произведения на злобу дня естественно дополняли лирическую, философско-созерцательную тематику, однако с тех самых пор творческая палитра заметно расширилась, обогатилась свежими красками — и в плане текста, и в том, что касается мелодии.

Возможно, в истории российской песенной культуры второй половины XX века музыкально-художественное полотно под названием «Как молоды мы были» — самый красноречивый, наиболее доходчивый пример того, как в пятиминутном концертном выступлении можно поведать философскую притчу, иронично посетовать на суетность бытия, ностальгически

взгрустнуть, оптимистически обнадежить, используя при этом где-то почти шепот, а где и поистине яростный вокальный напор.

Замечательные, разошедшиеся на цитаты фразы «Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять», «Мы друзей за ошибки прощали, лишь измены простить не могли» обрамлены в гениальную музыку, которая по своей гармонической и мелодической структуре не имеет ни предшественников, ни последователей.

«В небесах отгорели зарницы, и в сердцах утихает гроза», — после могучего, грохочущего апофеоза звучит вкрадчивое, душещипательное пианиссимо. На глазах немолодого уже исполнителя (у Градского, разумеется, до сих пор эта вещь коронный номер) и многих зрителей в концертном зале выступают невольные слезы.

«Не забыть нам любимые лица, не забыть нам родные глаза. Ничто на земле не проходит бесследно, и юность ушедшая все же бессмертна. Ка-а-ак мы были, ка-а-ак молодымы были (слова песни по воле певца то плавно рвутся, дробятся, то стремительно сливаются), как искренне любили, как верили в себя...»

Дождутся ли нынешнее и последующие поколения столь же мощного песенного высказывания — вот в чем вопрос. Для этого, как полагают создатели прекрасной песни, надо прежде всего искренне любить. И верить — в себя.

Большой хороший человек

Николай Ирин

В истории наших искусств есть актеры, которых оценивают заслуженно высоко, но неверно: хвалят, любят, даже превозносят, однако числят по ведомству, в котором артист не служил, куда всего лишь навещался в регулярных краткосрочных командировках. Одна из таких неправильно классифицированных звезд нашего экрана и русского театра — Вячеслав Невинный. Досадно, что во всех без исключения посмертных материалах о нем, будь то телефильмы или многочисленные статьи в периодике, фигурирует один и тот же не вполне достоверный образ приметного толстяка-весельчака, чьи благодушный нрав, исполнительская удаля и крепкая, дружная семья все-таки не уберегли от постоянных травм и тяжелых болезней.

КЛАССИФИКАТОРЫ оформили его на должность комика, при том, что едва ли не главным «свершением» артиста объявляется из раза в раз песенка с рефреном «Губит людей не пиво, губит людей вода», пропетая в комедии Леонида Гайдая «Не может быть» (1975).

Невинный — не клоун. Наиболее адекватный для него образ — Виктор Баныкин по прозвищу Большой из телесериала «День за днем» (1971–1972). Даже если эта роль и не самая яркая в творческой биографии Вячеслава Михайловича, то как минимум особо показательная, являющаяся ключом к его творческому наследию и художественной натуре.

«У станка стой или картины рисуй, без разницы. Человек — это рабочий! Кто не работает, тот вообще не человек, — декларирует молодцеватый, модно стриженный, эффектно одетый Баныкин в первой же серии. — Работа из обезьяны сделала человека и держит. Работа — это хребет. Кто не работает, тот как медуза, у того лица нет». Ключевой персонаж, каким его придумал Михаил Анчаров, есть воплощенная мечта правоверного советского идеолога: видный, но совершенно не породистый парняга, который делает себя сам, последовательно проходя путь от простого рабочего до студента, научного работника, конструктора. Он отнюдь не заносчив («Я человек заурядный», — произносит без кокетства), но при этом исполнен достоинства и упований на технологический, социальный и нравственный прогресс: «Вся моя натура требует перемен: все мое мясо, все мои кости»; «Мир не в порядке? Но будет в порядке!».

Хлеб рассуждений о бытовом-насушном Виктор густо мажет маслом идеализма. Оппонент-фарцовщик в ответ закономерно иронизирует: «Товарищ Баныкин — положительный герой современности».

Как можно играть подобное? Как одушевить сконструированного сначала партийными идеологами, а потом еще и сценаристом гомункула-индивида, обеспечить ему достоверное существование на экране? Актер справляется настолько безукоризненно, что Большой становится эмоциональным центром, работает словно сердечная мышца всего сериала. Режиссировали «День за днем» Всеволод Шиловский и Лидия Ишимбаева, но общее художественное руководство осуществлял легендарный мхатовец Виктор Станицын, мастерскую которого Невинный окончил в 1959 году. Благодаря авторитету

«Третий тайм»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Инкогнито из Петербурга»

ФОТО: АНАТОЛИЙ КОВТУН/ТАСС

Виктора Яковлевича к работе над этой скромной по бюджету и технологически несложной телевизионной постановкой удалось привлечь 144 ведущих актера из 11 театров Москвы. И что видим: все народные и заслуженные внутренне настроились на то, чтобы дотянуть до пронзительной ноты идеалиста Баныкина, обеспечить массовое исполнение его вдохновенной песни.

Выходец из рабочих низов, то есть изначально не шибко адаптированный к конкурентной борьбе с продвинутыми товарищами, становится в центр многофигурной композиции сериала. Невинный демонстрирует тотальную открытость своего героя миру и людям, совершает настоящий художественный прорыв. Он виртуозно цепляется за доминирующую эмоцию партнера или партнерши, выкладывает ее на всеобщее обозрение, укрупняет, а потом заинтересованно, честно, иногда даже в виде парадокса выда-

«Вириная»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ет нечто замечательное, ответное, в считанные секунды меняя себя и собеседника, перевода, казалось бы, заурядное повседневное общение в разряд архиважных событий.

Люди встречаются, беседуют, обучают друг друга искусству жить, иногда, конечно же, мучают и му-

чают... Происходящая «день за днем» борьба хорошего с лучшим, возможно, наскучила бы массовому зрителю, если бы не профессионализм Вячеслава Михайловича вкупе с беспрецедентной расположенностью его души к сердечному диалогу.

Последний — заветная тема мастера. Концентрат этого драгоценного умения содержится, к примеру, в роли Медвежонка из «Ежика в тумане» (1975) Юрия Норштейна, десяток реплик Невинного за кадром навсегда вошли в историю актерского мастерства: «Ежик! Где же ты был?.. Я уже и самовар на крыльце раздул, креслице плетеное придвинул, чтобы удобнее звезды считать было. Вот, думаю, сейчас придешь, сядем, чайку попьем с малиновым вареньем!»

Его разноплановое, на первый взгляд, творчество отличается цельностью и последовательностью. С первых шагов на сцене пе-

дагоги и режиссеры предписывали ему амплу, которое диктовалось психотипом актера. Сам он впоследствии относил себя к «рубашечным героям» (от выражения «рубаша-парень»).

В юные годы туляк Слава Невинный отчего-то почувствовал в себе

задатки артиста, вероятно, находил у себя физическое и психологическое сходство с тем социальным идеалом, который транслировался через кинематограф, обложки «Огонька», афиши театров.

По счастью, в тульском Дворце пионеров занятия в театральном кружке вел чуткий и талантливый Анатолий Дмитриев, поощрявший увлечение мальчика, неизменно дававший ему главные роли. Особенно па-

десятилетий. Со второй попытки поступил-таки в Школу-студию. Мастерская Виктора Станицына была средоточием выдающихся талантов: практически все ее выпускники стали в дальнейшем заметными фигурами нашего актерского цеха.

Вячеслава Невинного взяли в труппу МХАТа тогда же, в конце 1950-х. В 1960-м утвердили на первую звездную кинороль — Сергея Зайцева в «Испытательном сроке». Два Олега — Ефремов и Табаков — его не затмили, более того, в эмоциональном плане

мятным для Невинного стал образ Чичикова в постановке «Мертвых душ».

Превратившись в местную звезду, он, естественно, планировал продолжить театральную карьеру. Провалив конкурс в Школу-студию МХАТ, не сдався, в себе и своем призвании не усомнился — год играл во вспомогательном составе тульского Театра юного зрителя. По свидетельству театроведа Виталия Вульфа, непродолжительное время учился во ВГИКе. Но подлинной страстью были театральные подмостки, в особенности сцена Художественного, где он прослужил в итоге больше четырех

он выглядит в картине, пожалуй, ярче всех. Материал от Павла Нилина дал молодому актеру отличные возможности для реализации лучших качеств: Зайцев простоват только внешне, этот начинающий работник угрозыска, комсомолец нацелен на внутренний рост и социальное служение. Избыточная решительность героя позволяет виртуозно строить образ на противоречиях между природной тонкостью натуры и брутальностью решений, навязываемых обстановкой в едва вышедшей из Гражданской войны стране.

Ту самую гипертрофированную решительность, переходящую порой в нахрап, Невинный зачастую акцентировал впоследствии в своих персонажах. Тот же торговец

пивом из гайдаевской комедии твердо стоит на ногах и не упускает ни единого шанса укрепиться на матушке-земле еще основательнее. Артист гениально чувствовал бытовое измерение жизни, мастерски отыгрывал корневую связь простолюдина с его уютным мирком, который как раз и обеспечивает иллюзию безопасности. Сочувствуя персонажам в этой привязанности «к человеческому, слишком человеческому», Вячеслав Михайлович великодушно смягчал сатирические тона. Отсюда — ответное благодарное чувство рядового зрителя, который если не умом, то нутром опознает в актере своего адвоката «перед судом общечеловечности».

Эпизодические включения «раннего» Невинного украшают малоизвестные теперь картины 1960-х. Взять, к примеру, морячка из «Чистых прудов» (1965) Алексея Сахарова: предвоенная пора, центральные герои (их несколько) молоды и лиричны, в парке они встречают матроса, безуспешно пытающегося установить контакт с ослепительной красавицей в роскошном платье. Разговор с нею — на спор — удаётся изобретательному, интеллигентному пареньку, а неловкий безымянный морячок, как и обещал, с легкой щедростью угощает всю компанию незнакомцев. Типаж как бы диктует режиссерам использовать Невинного в качестве этакого комического оттенка на фоне столичных эстетов-интеллектуалов. То, что он был способен играть кого-то из главных героев, объединить подле себя всех окружающих умников и простаков, на тот момент, похоже, никому не приходило в голову.

Впрочем, иногда и минутные эпизоды становились киношедеврами. В картине «Берегись автомобиля» (1966) Эльдара Рязанова актер играет крохотную роль автомеханика, которому вороватый герой Андрея Миронова поручает разобраться со своим автомобилем. За считанные секунды Невин-

«Мертвые души»

ный отыгрывает фирменное простодушие работяги так, что фактически уравнивает сценку и с историей изощренного пройдохи Семицветова, и с «эпическим» противостоянием Деточкина с Подберезовиковым. Экстравагантная пара — все-таки выдуманные герои фарса, а колоритный безымянный персонаж будто вышел из общей для всех нас жизни. Вячеслав Михайлович таинственным образом сработал на нашу всегдашнюю привязанность к привычному-обыденному-надежному. Между прочим, когда в Советском Союзе задумывали звание «Народный артист», имелся в виду как раз такой способ существования в рамках образа и именно подобное социально-культурное последствие. В каждой роли Невинный выдавал одно и то же — припрятанную за фасадом фабулы механику взаимодействия с психикой другого человека.

«Ежик, ты ведь малиновое варенье несешь, да?!» — вот безукоризненное знание природы самых важных на свете вещей. Норштейн выбрал Невинного именно потому, что сущность эмпатии, вчувствования Вячеслав Михайлович мог упаковать в закадровые реплики как никто другой. Его персонаж еще и о милых Ежике можжевеловых веточках для костра позаботился.

В знаменитом спектакле Олега Ефремова «Иванов» (1976), где бесподобно солирует Иннокентий Смоктуновский, Невинному досталась невыигрышная, третьестепенная роль вечно пьющего Боркина, а он сумел сделать ее одной из самых значимых в незаурядной постановке. Иннокентий Михайлович создал образ из энергии отчуждения, даже безразличности к миру и собеседнику. Иванов норовил повернуться ко всем спиной, так и «общался». Боркин силился изменить этот статус-кво немойной волей к человеческому контакту.

Знакомые и родные свидетельствуют: он никогда не брал больничных листов; ни дружба, ни служебная субординация не могли заставить его творческую неудачу коллеги назвать «успехом». «Ремеслуха» — вот любимое словцо, которым Невинный обозначал необходимый

Сцена из спектакля «Старый Новый год».
МХАТ им. М. Горького

ФОТО: ВАСИЛИЙ ЕГОРОВ/ТАСС

всякому артисту минимум профессиональных навыков. Играл очень много — в театре, кино и на радио. Пробовался еще больше: в «Беге» на роль генерала Чарноты, в «Сказе про то, как царь Петр арапа женил», даже в «Ивановом детстве» Тарковского...

«По амплу я комик-простака», — с улыбкой оправдывал он отказавшихся от его услуг постановщиков. Его голос — высокоточный инструмент, благодаря которому нежность легко сменялась фанаберией, агрессия — сентиментальностью, драматическая глубина — уморительной комичностью. Невинного называли наследником Михаила Яншина, но он был иным — выходцем из очень простого народа, преодолевшим типажные ограничения, сделавшим из себя нечто в нашем искусстве невиданное.

Вячеслав Михайлович однажды признался интервьюеру: «Конечно, все артисты притворяются». В другой раз: «Тот артист сильный, у которого больше

штампов. Штампы ведь бывают даже и от сердца, и от ума». Рязанов с восхищением вспоминал, что в отличие от почти всех исполнителей Невинный не просил дописать свой крошечный эпизод в фильме «Берегись автомобиля», просто сделал то, что требовалось, и так, как умел. Предметно и наглядно доказал, что, во-первых, большой артист не склонен заискивать и суетиться, а во-вторых — маленьких ролей просто-напросто не бывает.

У него был абсолютный музыкальный слух. Педагог по танцам в Школе-студии звала его не Невинный, а «Нежный». Зрители в большинстве своем помнят его по картинам «Гараж» (1980), «За спичками» (1980), «Старый Новый год» (1981), «Гостья из будущего» (1984), «Не ходите, девки, замуж» (1985). Многие узнают его голос в том или ином мультфильме, а таковых в активе актера — огромное число. Он искренне полагал, что образов, которые не смог бы воплотить, в природе не существует, тем более что «нарушать амплу заразительно».

Вячеслав Невинный реализовался не в полной мере — режиссеры и продюсеры, как правило, не обладали такой же, как у него, верой в человеческие возможности.

Составивший с ним блистательную пару в «Полицейских и ворах» (1997)

Геннадий Хазанов однажды сформулировал: «Он никогда не утомлял, не занимал пространство. При нем можно было спокойно дышать».

Пожалуй, это лучшее, что может сказать один человек про другого.

Трапезная

Когда ни делай студень — всегда удовольствие

Максим Сырников

В главе «Домостроя», рассказывающей о том, «как дома животину всякую разводить, и еду и питье держать всегда», одно из гастрономических преимуществ говядины описывается так: «...рубцы и губы, и уши, и ноги коровьи во весь год сгодятся на студень; когда ни делай студень — всегда удовольствие».

ОТ **УКРАИНСКОГО** холодца, французского галантина, молдавского рэсола, грузинского мужужи и других подобных блюд это русское кушанье тем и отличается, что варится исключительно из говядины. Название «холодец», когда-то обозначавшее в нашей традиционной кухне разновидность ягодного десерта, распространилось в России лишь в XX веке. Знарок отечественной кулинарии Вильям Похлебкин в своей известной, вышедшей в 1978 году книге ошибочно утверждал, что студень готовится и из говядины, и из телятины, и из свинины, однако уже в начале 1980-х в другом своем издании оплошность исправил и совершенно верно указал на принципиальное отличие.

На 10–12 порций:

- ✦ 2 говяжьих путовых сустава (задние голяшки)
- ✦ 1–1,5 кг говядины (подбедерок, лопатка)
- ✦ 1 средняя морковь
- ✦ 2 средние луковицы
- ✦ 1 средний корень петрушки
- ✦ 4–5 зубчиков чеснока
- ✦ 1 лавровый лист
- ✦ Черный перец горошком
- ✦ Соль
- ✦ Хрен или горчица для подачи

Тщательно выскабливаем и промываем путовые суставы (голяшки) и кладем их в большую кастрюлю, заливаем туда 5 л холодной воды. На небольшом огне доводим до кипения. Затем огонь убавляем до минимума и варим при очень тихом кипении 3–4 часа. В течение всей варки снимаем с бульона пену и жир.

Бросаем в бульон оставшуюся говядину, морковь, лук и корень петрушки. Варим, не давая бурно кипеть, еще 3–4 часа. За время приго-

товления вода должна выпариться примерно наполовину.

За полчаса до готовности солим бульон, кидаем лавровый лист и перец горошком. Измельчаем чеснок. Готовый бульон процеживаем. Мясо снимаем с костей, измельчаем и выкладываем в глубокое блюдо либо другую посуду, где студень будет застывать. Добавляем чеснок, заливаем в блюдо бульон.

Даем студню застыть в холодном месте (минимум 3–4 ч). Подаем с хреном или горчицей.

Своя

ДЕКАБРЬ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Европы